Следствие ведет Ева Даллас...

НОРА РОБЕРТС

№1 NEW YORK TIMES — BESTSELLING AUTHOR

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ!

СЕМЬЯ НА ЗАКАЗ

18+

Нора Робертс
Семья на заказ
Серия «Ева Даллас», книга 45

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17047054
Робертс, Нора. Семья на заказ : [роман]: Издательство «Э»; Москва; 2016
ISBN 978-5-699-85704-3

Аннотация

После посещения очередного места преступления лейтенант полиции Ева Даллас верит – найти убийцу и доказать его причастность к делу будет как никогда просто. Улик, подтверждающих вину сынка-неудачника, который убил своих родителей, предостаточно. Но Ева даже не догадывается, что через пару дней в деле появится новая жертва… Сумеет ли лучший коп Нью-Йорка остановить череду кровавых убийств?

Содержание

1 5
2 27
3 49
4 72
5 93
6 113
Конец ознакомительного фрагмента. 123

Нора Робертс
Семья на заказ

Больней, чем быть укушенным змеей,
Иметь неблагодарного ребенка.
Вильям Шекспир

Человек, который лелеет месть, бередит свои собственные раны.
Фрэнсис Бэкон

Nora Roberts
Thankless in Death
Copyright © J.D. Robb/Nora Roberts, 2013. This edition published by arrangement with Writers House LLC and Synopsis Literary Agency
© Кабалкин А., перевод на русский язык, 2016
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

1

Ему до смерти опостылело ее нытье.

Вечно она ворчит и брюзжит, ворчит и брюзжит, только и делает, что ноет, стоит ей открыть свой поганый рот. Его так и подмывало заставить ее заткнуться.

Джеральд Рейнхолд сидел за столом на кухне, втянув голову в плечи под напором нескончаемой материнской критики, ее надоедливых претензий.

Каждый день одно и то же, с отвращением думал он. Как будто он по собственной вине лишился этой дурацкой бесперспективной работы! Как будто это он виноват, что подружка – еще одна стерва, не умолкавшая ни на минуту, – дала ему от ворот поворот, так что ему пришлось опять поселиться у своих брехливых предков и опять без конца слушать их скулеж! Специально он, что ли, спустил в Вегасе несколько тысяч и теперь никак не может вернуть долг по кредитной карте?

Господи, сколько можно его костерить? Умолкнет старая карга хотя бы на секунду?

Он уже устал ей объяснять, что не потерял бы работу, если бы не гад начальник. Ну, взял отгул-другой, один он такой, что ли? Ну, пару раз опоздал – эка невидаль! Зачем было сразу увольнять?

Только такой помешанный на работе придурок, как его

папаша, способен поддержать этого гада.

И чего она так раскудахталась? Все равно он терпеть не мог эту работу и устроился на нее только потому, что Лори заставила, взяв его измором. А теперь изволь отдуваться!

Ему уже целых двадцать шесть лет, и он заслуживает большего, чем кретинская должность разносчика готовой еды.

Подумаешь, временно остался без работы! А Лори из-за этой ерунды дала ему пинка. Ну, еще из-за того, что он немного потратился в веселой поездке с приятелями.

Между прочим, он бы мог найти себе девчонку получше этой толстозадой Лори Нуссио. Вот зараза, пригрозила вызвать копов из-за пары подзатыльников! Она еще не такого заслужила. Жаль, что он тогда не отделал ее как следует.

А он сам, разве он не заслуживает большего, чем паршивая комнатушка в родительской квартире и беспрерывные мамашины выволочки?

– Ты меня слушаешь, Джерри?! – взвизгнула Барбара Рейнхолд, уперев руки в бока.

Джерри оторвался от монитора компьютера. Расслабишься тут за игрой! Он удостоил свою тощую, плоскогрудую всезнайку мамашу негодующим взглядом.

– Еще чего! Ты когда-нибудь умолкнешь?

– Как ты разговариваешь с матерью? Вот, значит, твоя благодарность за крышу над твоей башкой и за еду, которой мы набиваем твое брюхо? – В руках она держала тарелку, на которой лежал кусок хлеба и тонкий кусок невзрачной ин-

дюшатины. – Я здесь стараюсь, делаю тебе сандвич, а ты смеешь мне дерзить? Неудивительно, что Лори указала тебе на дверь! Заруби себе на носу, у тебя не получится долго прохлаждаться задарма. Уже скоро месяц как ты торчишь здесь и палец о палец не ударил, чтобы найти работу!

«Лучше заткнись, не то я сам тебя заткну!» – подумал он, но промолчал, потому что ронял слюнки при виде сандвича.

– Прав твой отец, ты безответственный тип, но я ему сказала: это твой сын, Карл, мы не можем бросить его в беде. Когда ты собираешься взяться за ум – вот что я хочу узнать!

– Я тебе говорил, что выйду на работу. У меня есть выбор. Я ломаю голову, на чем остановиться.

– У него есть выбор! – фыркнула мать и вернулась к приготовлению сандвича. – За год ты сменил четыре места. Из чего ты выбираешь, когда сидишь сиднем в разгар дня в той же паршивой пижаме, в которой дрыхнул? Я тебе говорила, что в соседнем продуктовом нужен кладовщик, почему бы тебе туда не наведаться?

– Потому что я не кладовщик. – Он заслуживает лучшего. Он им не абы кто. Он бы чего-то добился, если бы к нему так не приставали. – Отвяжись!

– Мы еще недостаточно к тебе привязываемся. – Она накрыла индюшатину ярко-оранжевым сыром и заговорила ласковым, вразумляющим тоном – как же он ненавидел этот ее тон! – Мы с твоим отцом экономили, во всем себе отказывали, чтобы ты мог учиться в колледже, но тебя оттуда вы-

перли. Ты говорил, что хочешь научиться писать свои любимые компьютерные игры, и мы тебя поддержали, вложили в это занятие деньги. Когда у тебя не получилось, отец взял тебя к себе в контору. Он за тебя поручился, но ты обнаглел, стал огрызаться, вот и вылетел на улицу.

Она вооружилась ножом и стала резать сандвич.

– Потом ты познакомился с Лори – такой миленькой! Умницей, работящей девушкой из хорошей семьи. Мы надеялись, что у вас все получится. Она устроила тебя помощником официанта в ресторан, где сама работает. Даже когда тебя и оттуда выгнали, она от тебя не отвернулась. Когда ты сказал, что не прочь поработать рассыльным, только для этого нужен хороший велосипед, мы одолжили тебе денег, но это тоже и двух месяцев не продлилось. Между прочим, ты так с нами и не расплатился, Джерри. И вот теперь тебя в очередной раз выгнали с работы!

– Я устал слушать, как ты напоминаешь мне о моем прошлом. Как будто я сам во всем этом виноват!

– Все повторяется, Джерри, и с каждым разом все становится только хуже!

Она сложила губы трубочкой, выкладывая на тарелке его любимые луковые колечки.

– Тебя опять уволили, и теперь ты не можешь позволить себе снимать жилье. Ты забрал деньги для съема жилья и то, что Лори скопила на своих чаевых, и покатил в Лас-Вегас с Дейвом и с этим никчемным Джо. Только чтобы вернуться

оттуда без гроша.

– Хватит врать! – Он вскочил. – Это были мои денежки! Мне что, нельзя расслабиться с друзьями, хоть немного повеселиться?

Он видел в ее глазах не слезы, не злость, а разочарование. Это выражение бесило его больше всего.

– Это были деньги на аренду, Джерри. И то, что Лори сэкономила на чаевых. Она сама мне это сказала.

Она со вздохом сложила салфетку треугольником – она всегда так делала, с самого его детства. Вздох свидетельствовал о сердечной боли, но он слышал в нем только обвинение.

– Ты лгун, Джерри, ты все время используешь людей. Напрасно мы так долго тебе потакали. Мы все время предоставляем тебе разные возможности, а ты их отвергаешь одну за другой. Возможно, это отчасти наша вина, возможно, как раз поэтому ты решил, что можешь так грубо со мной пререкаться.

Она поставила на стол тарелку, налила в стакан его любимый напиток с кофейным вкусом.

– Мы с твоим отцом надеялись, что сегодня ты наконец найдешь работу или по крайней мере начнешь ее искать, приложишь какие-то усилия. Мы с ним обсуждали это, когда вчера вечером ты опять отправился слоняться со своими дружками. Между прочим, взяв без спросу пятьдесят баксов из моих накоплений на черный день.

– Это еще что за разговоры? – Он старательно изобразил

оскорбленную добродетель. – Ничего я у тебя не брал! Ты вздумала обвинять меня в воровстве? Ну, ты даешь, ма!

– Это уже не в первый раз. – Она поджала губы, голос дрогнул, а потом окреп, стал жестким, непреклонным. Он невольно еще сильнее втянул голову в плечи. – Мы обсудили все это и решили больше не миндальничать. Думали сообщить тебе это вдвоем, когда отец вернется с работы, но лучше я скажу тебе прямо сейчас, Джерри, так у тебя будет больше времени. До первого декабря изволь найти себе работу. Если не найдешь, тебе придется отсюда съехать.

– Мне нужно время!

– Мы и так предоставили тебе целый месяц, Джерри, но ты бездельничал, шлялся по ночам, а потом спал по полдня. Ты уже взрослый, а ведешь себя как ребенок, причем избалованный и неблагодарный. Если хочешь иметь больше времени, если хочешь нашей поддержки, то обедай – и ступай искать работу. В продуктовом тебя ждет место кладовщика, смотри, не упусти его. Пока будешь работать и показывать нам, что стараешься, можешь оставаться здесь.

– Ты не понимаешь! – Он выжал слезу – обычно это был беспроигрышный прием. – Лори меня бросила. Она была для меня всем! Она променяла меня на другого.

– На кого это?

– Откуда я знаю, на кого? Она разбила мне сердце, ма. Мне нужно время, чтобы прийти в себя.

– Ты говорил, что она тебя выгнала, потому что ты остался

без работы.

– Не без этого. Тот гад в «Американа» с самого начала на меня взъелся. И она вместо того, чтобы меня защитить, тоже на меня напустилась – видите ли, я не покупаю ей барахло! А потом наговорила обо мне гадостей тебе, попыталась натравить мать на сына!

– Ешь давай! – устало бросила Барбара. – Потом приведешь себя в порядок, оденешься – и марш в продуктовый! Послушаешься меня, Джерри, мы дадим тебе еще немного времени.

– А если нет, то вы выбросите меня на улицу? Пинками, как будто я вам чужой? Родители – родного сына?

– Нам самим будет больно, но это для твоего же блага, Джерри. Пора тебе научиться уму-разуму.

Он вытаращил на нее глаза, представляя, как мать и отец плетут против него козни.

– Наверное, ты права.

– Мы хотим, чтобы ты нашел свое место в жизни, Джерри. Чтобы стал мужчиной.

Он кивнул и шагнул к ней.

– Найти место в жизни? Чтобы стал мужчиной? Ладно.

Он схватил нож, которым мать только что резала сандвич, и всадил ей в живот.

У нее широко распахнулись глаза, раскрылся рот.

Он не собирался этого делать, у него и мыслей таких не было – разве что совсем чуть-чуть. Но как же это оказалось

здорово! Лучше секса. Никогда в жизни он еще не испытывал такого восторга.

Он вырвал нож из раны. Мать отшатнулась, вскинула руки, всхлипнув, произнесла: «Джерри…»

Он снова пырнул ее ножом. Как же ему понравился этот звук! Втыкать, выдергивать! Он пришел в настоящий восторг от потрясенного выражения ее лица и от того, как она хватается за него руками – приятная щекотка!

Он сделал это еще раз, потом еще, потом ударил ее ножом в спину в тот момент, когда она попыталась выбежать из кухни. Она упала на кухонный пол и забилась, как выброшенная на берег рыба, а он принялся ее кромсать. Она уже перестала двигаться, а он все не мог остановиться.

– Вот это – для моего блага!

Он посмотрел на свои окровавленные руки, на растекшуюся по полу красную лужу, на брызги на стенах, на кухонный стол – прямо безумная картина из Музея современного искусства.

Художник, подумал он. Может, ему заделаться художником?

Он положил нож на стол и тщательно вымыл руки в кухонной раковине, глядя, как уходит в сток окровавленная вода.

Она была права, думал он: насчет места в жизни, насчет того, что ему пора стать мужчиной. Вот он и нашел свое место. Теперь он точно знает, как заявить о своей мужественности.

Он возьмет то, чего хочет, а все те, кто стоит на его пути, теперь поплатятся. Он заставит их поплатиться, потому что ничего в жизни еще не доставляло ему такого наслаждения, не было таким настоящим, не приносило такого СЧАСТЬЯ.

Он уселся, глядя на распластанное тело матери. Скорей бы заявился домой папаша, промелькнуло у него в голове.

Лейтенант Ева Даллас надела портупею. На завтрак она ограничилась пачкой коротких вафель – их хватило, чтобы на ее лице застыло довольное выражение. Ее муж – без всякого сомнения, самый великолепный мужчина на свете – смаковал вторую чашку отличного кофе на диване в спальне. Кот, недавно предпринявший неудачную попытку запрыгнуть на столик, теперь сидел на полу и вылизывал свой жирный бочок.

Она любовалась Рорком: пышная черная грива, точеные черты, чуть улыбающийся красивый рот, волнующий взгляд устремленных на нее синих глаз. Кот Галахад делал вид, что не интересуется тарелками от их завтрака и вообще не имеет никакого отношения ко всей этой сладенькой картинке под названием «наслаждение домашним уютом».

– Похоже, ты довольна собой, лейтенант.

– Вполне довольна, – подтвердила она, мысленно добавляя рокочущий ирландский басок Рорка к списку своих утренних удовольствий. – Уже пару дней обходится без экстренных дел, так что я зарылась в бумажки. Судя по прогно-

зу погоды, сегодня мне не грозит отморозить задницу, к тому же я покидаю дом, наевшись вафель. Пока что денек складывается отменно.

Она натянула поверх блузки шоколадный жакет – то и другое Рорк одобрил, потом села, чтобы надеть ботинки.

– Обычно тебе подавай чего-нибудь погорячее скучных бумажек, – напомнил он.

– На носу праздники, 2060 год подходит к концу. Лучше не смешить коллег и не испытывать судьбу. Поскорее бы закончить годовой отчет. Последние дни выдались не бей лежачего. Еще немного – и я вконец разленюсь.

– Вот ты все и сглазила. – Он с сожалением посмотрел на нее, качая головой. – Теперь все пойдет наперекосяк.

– Опять ты со своими ирландскими суевериями!

– Простой здравый смысл. Кстати, об ирландцах и праздниках. В среду к нам нагрянет родня.

– В среду?

– Это будет среда перед Днем благодарения, – подсказал он. – Не все мои кузены в восторге от этой традиции, но тем, кто пропустил прошлый год, в этом уже некуда деваться. Ты говорила, что тебя это не напрягает.

– Совершенно не напрягает. У тебя милые родственники. – Он только недавно обрел их всех, прожив большую часть жизни, как и она, без родни и без связанных с ней удовольствий и проблем. – Просто у меня всегда затруднения с тем, как быть с такой оравой, в которую не затесалось ни

одного копа.

– Им будет не до тебя. Судя по всему, у них насыщенная программа: покупки, экскурсии, театр, все такое прочее. Вряд ли они сядут тебе на шею все сразу, разве что в сам День благодарения. Главное, их разбавят остальные – знакомая тебе компания.

– Это точно. – Она уже дала согласие принять всю толпу – в тот момент эта мысль выглядела соблазнительно. Прошлогодние гости произвели на нее хорошее впечатление, а теперь к ним добавятся ее коллега Пибоди с бойфрендом Макнабом, остающиеся в этом году в городе.

– Раньше все получалось. – Она пожала плечами и встала. – Как говорится, чем больше народу, тем больше психов?

– Тем веселее, хотя тебе виднее. Учти, я хочу позвать дополнительно еще четверых.

– Это еще кто такие?

– Гости. Ричард ДеБласс с семейством. Элизабет позвонила мне только вчера. Они привезут детей в Нью-Йорк, на парад.

– Значит, я угадала, заговорив о психах! Кому приспичит лезть в такую толпу?

– Тысячам людей, иначе не было бы никакой толпы, верно? Они забронировали номер в отеле на маршруте парада. Вот я и подумал, что было бы здорово пригласить их на традиционный обед. Никси спит и видит повидаться с тобой.

Ева ни на минуту не забывала эту девочку, потерявшую

разом всю семью: ее родителей убили ворвавшиеся в дом грабители.

– Куда это годится – притащить ее на традиционную семейную встречу сюда, ведь здесь и произошел весь этот ужас?

– Ты знаешь, она быстро привыкает к новой жизни. Но ей все равно нужны зацепки. У нее теперь новая семья, им хорошо вчетвером, но родители не хотят, чтобы Никси забыла свою первую, утраченную семью.

– Она и так ее никогда не забудет.

– Верно, никогда. – Как и ему самому никогда не забыть эту картину: малышка в морге, прильнувшая ухом к переставшему биться отцовскому сердцу. – Это не то же самое, что твое возвращение в Даллас. – Он встал и приблизился к ней. – Она снова ощутит то потрясение, ту боль. Но у нее была семья, любившая ее, у нее отняли любимых людей.

– Согласна, зацепки – это важно. Но меня все равно никто не заставит пойти на парад.

– Это я усвоил. – Он привлек ее к себе и поцеловал. – У нас обоих есть за что благодарить судьбу.

– Например, за нашествие ирландских родственников, а еще за голодную свору, истекающую слюнями по индейке и пирогу!

– Придется их уважить.

– В пятницу я тебе сообщу, согласна ли я на эту пытку. А теперь мне пора бежать.

– Побереги моего любимого копа.

– А ты – моего любимого мультимиллионера.

Выбегая из дома, она уже смирилась с предстоящим на День благодарения вторжением.

Что происходит с людьми? Наблюдая за соотечественниками, Ева недоумевала. Что заставляет их всех толпиться на улицах, заполнять тротуары, толкаться на бегущих дорожках, сбиваться в стаи на перекрестках? Что гонит их всех в таких количествах в Нью-Йорк на праздники?

Неужели все они – бездомные?

Пока она прорывалась сквозь пробки в центр, в Главное полицейское управление, рекламные щиты у нее на пути сверкали навязчивыми призывами:

МЕГАРАСПРОДАЖА В «ЧЕРНУЮ ПЯТНИЦУ»!

СКОРЕЕ, НЕ ПРОПУСТИТЕ СКИДКИ!

ПРАЗДНИЧНЫЕ РАСПРОДАЖИ В «СКАЙ-МОЛЛ!»

НЕ УСТОИТ НИ ОДНА МАГАЗИННАЯ ДВЕРЬ!

Вот бы все они ринулись именно в воздушный «Скай-Молл», подальше от города! Соревнуясь в сноровке с такими же, как она, нетерпеливыми водителями в очередном уличном замесе, она успела заметить, как ловкий воришка-карманник обрабатывает стайку рассеянных туристов, столпившихся вокруг уличного киоска.

Даже если бы она не застряла среди скоростных такси и фыркающих макси-басов, ей не удалось бы поймать его на

месте преступления. Ногами он орудовал так же шустро, как пальцами: через считаные секунды воришка растворился в толпе, разжившись, как она успела сосчитать, тремя бумажниками и двумя коммуникаторами, не считая мелочи из карманов.

«Кто рано встает, тому бог подает», – вспомнилась ей поговорка. За воришку она порадовалась, хотя было и чему огорчиться: универмаги за городом недосчитаются пяти покупателей.

Заметив разрыв в густом транспортном потоке, она метнулась туда и, не обращая внимания на какофонию злобных гудков, свернула в нужном направлении.

До Управления она добралась с готовым планом действий в голове. Первым делом бумажки, расчистка рабочего стола. А потом главное: расследования, которыми занимаются ее детективы. Возможно, получится повесить на Пибоди отчеты по расходам: пусть напарница помучается с цифрами. А у нее при удачном раскладе появится шанс распутать какое-нибудь заковыристое и зависшее дельце. Свежий взгляд всегда полезнее замыленного.

Нет ничего приятнее, чем подловить преступника, вообразившего, что он не оставил улик.

Она сошла с движущейся дорожки – высокая стройная женщина в кожаном пальто – и направилась в отдел убийств. Ее короткие каштановые волосы обрамляли угловатое лицо с ямочкой на подбородке. Продолговатые золотисто-ка-

рие глаза внимательно, как подобает глазам полицейского, всматривались в лица тех, кто попадался ей на пути в отдел.

Свернув в свой отсек, она увидела Санчеса: закинув ноги на стол, он тыкал пальцем в свой коммуникатор. Трухарт, нарядный красавчик в мундире, не отрывал глаз от монитора компьютера. Пахло дрянным кофе, всегда поглощаемым полицейскими в неимоверных количествах, и дешевым ненатуральным сахаром. Это свидетельствовало о нерушимости равновесия в мире. Из кухонного закутка появился Дженкинсон с огромной кружкой неизменного отвратительного кофе и с бесформенным пончиком. На нем был надет тускло-серый костюм и кричащий розовый галстук с пронзительными синими и зелеными кружочками.

– Здорово, лейтенант! – пробурчал он.

– Ну и галстук у тебя, Дженкинсон!

Он отхлебнул кофе и поставил кружку на стол.

– Миру недостает красочности.

– Ты случайно не спер его у наших чокнутых айтишников?

– Это подарок его девочки, – подал голос Санчес.

– Не моей, а твоей – в благодарность за прошлую ночь.

– В таком галстуке она увидит тебя за два квартала и вовремя сделает ноги.

Прежде чем Дженкинсон нашелся с подходящим ответом, вошел Бакстер, одетый с иголочки – в темно-шоколадном костюме и в мастерски повязанном галстуке, переливавшемся

от бурого до матово-красного оттенка. Увидев Дженкинсона, Бакстер застыл как громом пораженный.

– Господи, тут ослепнуть недолго! – Он извлек из кармана модные темные очки, надел их и уставился на Дженкинсона. – Что это у тебя на шее? Живое существо?

– Подарок от твоей сестренки, – сказал Трухарт, не отлипая от компьютера. – В знак уважения.

«Паренек делает успехи», – хмыкнула про себя Ева и ушла, оставив мужчин ломать комедию дальше.

В своем кабинетике с единственным узким окном и неудобным, словно копирующим пыточное, креслом для посетителя она первым делом подошла к кухонному автомату. Благодаря Рорку она пила не только дрянной кофе, как остальные полицейские, так что здесь могла мириться и с этой пакостью. Она налила себе чашку покрепче и погорячее, села с ней за стол и приготовилась к прилежной работе с документами.

Но коммуникатор не дал ей сделать и одного глотка.

– Даллас.

– Вызов для лейтенанта Евы Даллас. Сотрудник ожидает по адресу Даунинг-стрит, 735, квартира 825. Два тела, мужчина и женщина.

– Даллас на связи. Свяжусь с детективом Пибоди по пути.

– Принято. Вызов завершен.

«Вот дерьмо, – подумала она, залпом опрокидывая кофе и обжигая себе язык. – Все-таки сглазила!» Схватив только

что снятое пальто, она бросилась к двери.

В отделе собралась вся братия, по-прежнему изощрявшаяся в остроумии по поводу злополучного галстука Дженкинсона. Пибоди, еще не успевшая раздеться, была одного мнения с Евой: веселенький галстучек!

Впрочем, сиявший неоном Макнаб тоже был Пибоди по вкусу.

– Пибоди, со мной!

– Что? Куда? Уже?

Ева быстро зашагала вперед, так что Пибоди только и оставалось что семенить за ней в своих розовых ковбойских сапожках, стараясь не отстать.

Куда катится ее отдел? Розовые галстуки, розовые сапоги! Ева решила, что надо вообще запретить в отделе убийств этот позорный цвет.

– Что теперь?

– Похоже, два трупа.

– Хорошенькое начало дня! – Дожидаясь лифта, Пибоди вытянула из кармана шарф и обмотала себе шею.

«В розовую и синенькую клеточку, – зло подумала Ева. – Розовый цвет определенно пора поставить под запрет».

– И сам денек сегодня что надо! – продолжила Пибоди, улыбаясь во всю ширь квадратной физиономии и сияя темными глазами.

– Ты опоздала, потому что тебе перепало утреннего секса?

– Тоже мне опоздание – пара минут! – поправила Еву Пи-

боди. – Мы вышли из метро, не доехав до нужной станции, чтобы пройтись. Редко выпадает такая погодка!

Они втиснулись в кабину лифта, где уже теснились копы.

– Люблю осень, когда ветрено, все такое четкое, резкое, с тележек торгуют жареными каштанами.

– Так и есть – секс.

Пибоди снисходительно улыбнулась.

– Мы встретились поздно вечером, договорившись в последнюю минуту. Наскоро оделись, поехали танцевать, потом – взрослые коктейли. Мы оба так заняты, что нам вечно недостает времени, чтобы просто побыть вдвоем. Приятно хотя бы изредка об этом вспоминать. – Они вылезли из лифта в гараже. – А потом, конечно, секс, – наконец-то призналась Пибоди. – Но денек все равно что надо!

– Жаль, два трупа на Даунинг не добавляют веселья.

– Это точно. Просто еще одно доказательство.

– Доказательство чего?

– Что надо прихорашиваться, танцевать, пить крепкие коктейли и во весь опор заниматься сексом, а то того и гляди загремишь в ящик.

– Все философствуешь, – буркнула Ева, усаживаясь за руль.

– Так ведь скоро День благодарения, – объяснила Пибоди.

– Говорят, что да.

– У нас в семье соблюдают эту традицию. Мы письменно перечисляем все, за что благодарим, и кладем свои записоч-

ки в вазу. В День благодарения каждый вытягивает оттуда по несколько штук. Суть в том, что записки напоминают, за что мы должны испытывать благодарность или что ценят другие люди. Понимаешь? Мне нравится. Знаю, в этом году мы не сможем часто видеться с родными, но я шлю им свои благодарственные записочки.

Продираясь сквозь пробки, Ева задумчиво ответила:

– Мы – копы из отдела убийств. Получается, мы должны быть благодарны за мертвецов, иначе нас повыгоняли бы с работы. Вот мертвецы – те, похоже, с благодарностью не знакомы.

– Не так. Мы благодарны за то, что обладаем навыками и смекалкой, чтобы арестовать того или тех, кто превратил живых людей в мертвых.

– Зато тому или тем, кого мы поймаем, будет не до благодарности. Кто-то должен проиграть.

– Все философствуешь! – отрезала Пибоди.

– Просто мне нравится выигрывать. – Ева затормозила на Даунинг позади черно-белой полицейской машины. – Я ценю выигрыш. Пойдем, проявим наши навыки и смекалку.

Она заспешила к подъезду дома, захватив с собой чемоданчик.

– Восьмой этаж, лейтенант, – доложил полицейский на входе, увидев ее жетон.

– Уже знаю. Как в доме с охраной?

– Чтобы войти, надо позвонить в домофон, но вы же зна-

ете, как это бывает: снаружи камеры есть, а внутри нет.

– Нам понадобятся записи камер.

– Их уже потребовали у коменданта.

Она кивнула и прошла к лифту. «Приличное здание», – подумала она на ходу. Минимум охраны, зато чистенько. Сверкающий пол тесного холла, свежевыкрашенные стены. Она порадовалась, что лифт не лязгает и не скрипит.

– Попасть сюда ничего не стоит, – заметила она. – Просто зайти следом за кем-нибудь или набрать наугад номер квартиры. Ни тебе охраны в холле, ни камер внутри.

– Выйти тоже дело нехитрое.

– Вот именно. Дом содержат в приличном состоянии, значит, здесь живут достойные люди, следящие, чтобы управление домом было им под стать.

На восьмом этаже она подошла к двери квартиры номер 825, которую сторожил полицейский.

– Ну, что тут у нас?

– Докладываю, сэр: женщина из квартиры 824 зашла в восемьсот двадцать пятую приблизительно в семь двадцать утра. У нее есть ключ и код.

– С какой целью?

– Они с погибшей по понедельникам всегда ходили вместе в ближнюю пекарню. По ее показаниям, они всегда уходили ровно в семь. Ее насторожило, что дверь никто не открывает, на звонок никто не отвечает. Войдя, она наткнулась на два тела, опознанные ею как Карл и Барбара Рейнхолд, чис-

лящиеся жильцами этой квартиры.

– Где свидетельница сейчас?

– В своей квартире, с нашей сотрудницей. Она, похоже, в шоке, лейтенант. Там, – полицейский указал кивком на квартиру 825, – та еще картина.

– Она мне понадобится. – Ева достала из чемоданчика тюбик с герметиком. – Будьте начеку. – И включила свой диктофон.

Ева и Пибоди обработали себе руки и обувь герметиком и вошли.

Услышанное от караульного копа плохо подготовило их к тому, что ждало внутри. Помещение, служившее гостиной, осталось безупречным: взбитые подушки, образцово чистые полы, аккуратно сложенные на столике журнальные диски. Жуткий контраст с запахом смерти, далеким от свежести.

Границей между гостиной и кухней служил стол. Он же отделял чистенькую жизнь от уродливой смерти.

Рядом со столом, вернее почти под ним, лежал мужчина в темно-синем костюме – то есть темно-синим костюм был при жизни его владельца. Смерть превратила то, что находилось в костюме, в бесформенную окровавленную массу. Стены и кухонная мебель были забрызганы кровью и серыми ошметками мозгов, в еще худшем состоянии была бейсбольная бита, валявшаяся в луже запекшейся крови.

По другую сторону стола, между ним и холодильником, ничком лежала женщина. Цвет ее блузки и брюк нельзя бы-

ла разобрать, так они пропитались кровью. То, что это были именно блузка и брюки, приходилось угадывать, так они были изодраны – по всей видимости, кухонным ножом, загнанным в спину убитой по самую рукоятку.

– Зверское убийство, – зачем-то констатировала Пибоди.

– Ага. Убийца отвел душу. Займись женщиной. – С этими словами Ева присела на корточки рядом с мужчиной и открыла свой чемоданчик.

Она не боролась с жалостью, зная, что это состояние скоро пройдет. За работой не до жалости.

2

– Жертва опознана как Карл Джеймс Рейнхолд, белый мужчина пятидесяти шести лет, – прочла Ева строку на своем планшете-идентификаторе. – Женат на Барбаре Рейнхолд, в девичестве Миерс, пятидесяти четырех лет. – Она покосилась на Пибоди.

– Личность женщины подтверждена.

– Единственный ребенок – Джеральд Рейнхолд, двадцать шесть дет, проживает на улице Уэст-Хьюстон.

Родители Карла Рейнхолда были еще живы, они переехали жить во Флориду. Брат Карла проживал в Хобокене. Убитый работал в фирме «Бивен и сын, настилка полов», контора и демонстрационный зал которой находились неподалеку, всего в нескольких кварталах.

– Погибший подвергся сильным побоям: пострадали голова, лицо, плечи, грудь, конечности. Повреждения причинены, по-видимому, оставшейся на месте преступления бейсбольной битой, покрытой кровью и серым веществом. Лицо полностью изуродовано. Предполагается личный мотив.

– Слушай, Даллас, я не могу сосчитать на женщине все ножевые раны! Она вся изрублена.

– Одним словом, причина смерти налицо. Давай определим время. – Ева достала свой прибор. – Смерть наступила примерно шестьдесят два часа назад. Получается вечер пят-

ницы, где-то в шесть тридцать.

– Моя почти на шесть часов раньше: пятница, двенадцать сорок дня.

– Промежуток между двумя убийствами составляет около шести часов, – Ева подняла голову. – Сначала неизвестный убивает женщину, а потом что же, дожидается мужчину? Следов борьбы в гостиной не заметно, следов взлома тоже. – Она выпрямилась. – Вызывай перевозку из морга и чистильщиков.

Судя по виду, средний класс, серьезная пара. Размышляя, Ева расхаживала по квартире. Женщина сама впустила убийцу в середине дня? Следов борьбы нет, обоих убили на кухне.

Отложив эти мысли на потом, она заглянула в главную спальню.

– Тут кто-то порылся, – сказала она громко.

– Как-то странно для ограбления, многовато жестокости, – начала Пибоди, но на пороге спальни нахмурилась. – А тут все аккуратно.

– Это только на первый взгляд. Хуже, чем в гостиной. Кое-что лежит не на своем месте. Покрывало смято, дверцы шкафа распахнуты, на полу одежда. Видишь стол? Один ящик выдвинут. А где компьютер? Ни компьютера, ни планшета.

Ева выдвинула еще один ящик.

– Здесь все перерыто. Это не в ее стиле: она поддерживала в своей квартире образцовый порядок. Тот, кто это сделал,

чего-то искал. Свидетельница наверняка здесь бывала, она подскажет, чего недостает.

– Хочешь, чтобы ее привели?

– Хочу, но после того, как заберут трупы. – Ева вышла в коридор. – Вторая спальня тоже не в лучшем виде. Плед валяется кое-как, мебель пыльная. Почему она здесь не прибиралась? И стенной шкаф пустой, – сказала она, распахнув дверцы. – Кем надо быть, чтобы жить с пустым шкафом?

– Не мной. Если у меня есть шкаф, рано или поздно я забиваю его битком.

– Здесь кто-то жил. Всюду грязная посуда, пустая тара. – Подойдя с кровати, Ева сдернула с нее покрывало, нагнулась и понюхала простыни. – Здесь спали. Пометь белье, можно будет взять анализ ДНК.

Она покружила по комнате, пытаясь восстановить события:

– Здесь живет хорошо знакомый им человек. Она в кухне, готовит обед – время почти обеденное. Надо будет проверить кухонный автомат. Может, он чего-то хочет, а она ему в этом отказывает?

Сделав над собой усилие, Ева вернулась на кухню.

– Он взбешен. О, как он бесится! Под руку подворачивается нож, он хватает его и наносит ей несколько ударов. Ручаюсь, ему было приятно.

– Почему? – удивилась Пибоди. – Откуда ты знаешь, что ему было приятно?

– Он ведь не удрал, а остался дожидаться ее мужа. И его забил, как животное на бойне. Вот я и думаю, что он получал от этого удовольствие. Не забудь сказать чистильщикам, чтобы проверили все стоки. Он должен был привести себя в порядок, он же был весь в крови. До возвращения ее мужа оставалось несколько часов – уйма времени, чтобы умыться, переодеться, все здесь перерыть. Наверное, у нее были какие-то драгоценности, в самый раз для ломбарда.

– У них должны были быть припрятаны денежки на черный день, – подхватила Пибоди. – Без этого обычно не обходится.

– Неважно что: драгоценности, наличность. У мужчины не осталось бумажника, наручный коммуникатор тоже отсутствует. Вот увидишь, найдем ее сумочку – там не окажется кошелька. Электроника тоже куда-то подевалась.

– Ну да, все, что легко унести.

Ева снова покосилась на тела.

– Еще одно. Это не убийство по пустячному поводу. Человек не убивает своих хороших знакомых ради какой-то мелочи. Должна существовать веская причина. Вдруг у них было что-то по-настоящему ценное? Посмотрим, что расскажет соседка.

Уже у двери Ева оглянулась.

– Проверь сыночка, – приказала она Пибоди.

– Думаешь, сын может так разделаться с собственными родителями?

– Кто бесит нас сильнее, чем ближайшая родня?

Выйдя на лестничную клетку, Ева обратилась к караульному:

– Эксперты могут приступать. Фургон из морга уже в пути. Как зовут свидетельницу?

– Сильвия Гантерсен. Уолтер, ее муж, тоже дома, не пошел на работу.

– Понятно. – Она постучала в дверь квартиры 824. Открыла молодая женщина-полицейский с тугим узлом светлых волос.

– Привет, Кардининни! – поприветствовала ее Пидоби.

Блондинка улыбнулась, ледяные голубые глаза потеплели.

– Привет, Пибоди! Утро что надо!

– И не говори. Мы с Кардининни несколько раз дежурили вместе, – объяснила Пибоди Еве.

– Прежде чем мы перейдем к делу, лейтенант, позвольте сказать: очень рада знакомству. Хотя обстановочка еще та, – Кардининни оглянулась. – Женщина в шоке. Ее муж держится, но тоже на пределе. Они дружили с погибшими. Соседствовали больше десяти лет. Ходили друг к другу в гости, несколько раз проводили вместе отпуск.

– Ясно.

Планировка квартиры была зеркальным отражением квартиры напротив. Обстановка поскромнее, бросающаяся в глаза аккуратность. Гантерсены сидели в кухне за квадратным черным столом, сжимая в руках чашки. Ева дала бы им

тот же возраст, что у погибших. У женщины стильная короткая прическа, у мужчины, наоборот, забранная в хвост грива. Глаза у обоих красные, распухшие. При виде Евы женщина разрыдалась.

Пибоди хватило одного взгляда Евы, чтобы приступить к делу.

– Миссис Гантерсен, мы очень сочувствуем вашему горю. Это лейтенант Даллас, я – детектив Пибоди. Мы сделаем все, чтобы разобраться, кто так поступил с вашими друзьями.

– Они были моими друзьями, нашими лучшими друзьями, – она всхлипнула и вцепилась в руку мужа. – Как такое могло случиться?!

– Это мы и намерены выяснить. – Ева подсела к столу. – Нам понадобится ваша помощь.

– Она не откликалась, я забеспокоилась и вошла. И нашла их, Барб и Карла.

– Знаю, как вам тяжело, – заговорила Пибоди. – Но мы вынуждены задать вам кое-какие вопросы. – Судя по всему, от женщины можно было добиться больше толку. – Нельзя ли попросить у вас кофе?

– А как же, конечно! – Сильвия мигом пришла в себя и вскочила.

– Когда вы в последний раз говорили с Барбарой или с Карлом, когда их видели? – начала Ева.

– С Барб я разговаривала в пятницу утром. Всего пару слов, потому что мы с Уолтом уезжали на уик-энд к дочери

и ее жениху в Филадельфию. Они только что обручились.

– В четверг мы с Карлом выпили пива после работы, – вмешался Уолтер. – После этого мы не виделись.

– Когда вы вернулись из Филадельфии?

– В воскресенье вечером. Я позвонила Барб, но не удивилась, что никто не отвечает: решила, что они с Карлом куда-то пошли. Они – заядлые киношники. – У Сильвии задрожал подбородок, но она умудрилась поставить две чашки кофе на стол, не пролив ни капли. – В пятницу вечером мы обычно ходим в кино вместе, но в этот раз мы уехали к Элис и Бену.

– У них кто-то жил?

– А как же, Джерри, их сын! Господи, я совсем забыла! Не знаю, куда он девался, что с ним, – ее взгляд, полный нового ужаса, уперся в дверь. – Он… Он тоже там?

– Нет, его там нет.

– Слава богу!

– Когда он вернулся жить к родителям?

– Некоторое время назад. То ли три, то ли четыре недели. Расстался со своей девушкой и переехал.

– Как зовут девушку? – спросила Ева. – И других людей, у которых он мог бы, по-вашему, остановиться. Кто его друзья?

– Лори Нуссио, – сказала Сильвия. – А друзей у него негусто. Мэл, Дейв, Джо – Мэл Голд, Дейв Хильдебран, Джо Клейн. Это главная троица.

– Хорошо. А его сослуживцы?

– Он как раз потерял работу и переехал к родителям на время, пока снова куда-нибудь не устроится. Джерри – в общем, это отчасти проблемный ребенок.

– То есть ленивый ублюдок!

– Уолтер! – От неожиданности Сильвия села. – Какие ужасные вещи ты говоришь! Он же только что потерял родителей.

– От этого он не становится другим. – Голос Уолтера был рокочущим, словно у него в горле терлась галька. – Бездельник, неблагодарный, убежденный потребитель. – Его лицо перекосилось от горя пополам с гневом. – Мы потому и встречались с Карлом в четверг, что ему было необходимо это обсудить. Они с Барбарой были близки к отчаянию. Этот парень бездельничал не то уже месяц, не то целых полтора и палец о палец не ударял, чтобы найти работу. А если и находил – все равно надолго не задерживался.

– У него были нелады с родителями?

– Барб сильно переживала из-за него, – сообщила Сильвия, теребя маленькую Звезду Давида у себя на шее. – Ей хотелось, чтобы он повзрослел, чтобы стал человеком. Ей нравилась Лори, его подружка. Она считала, что Лори поможет Джерри стать взрослым, ответственным человеком. Но из этого ничего не вышло.

– Он просадил в Вегасе все деньги на съем квартиры и то, что стянул у Лори.

Сильвия со вздохом похлопала мужа по руке.

– Так оно и есть, он недоразвитый и несдержанный. В пятницу утром Барб жаловалась мне, что он забрал из дома часть ее накоплений.

– Где она их держала? – спросила Ева.

– В банке из-под кофе, в глубине кухонного буфета.

Поймав взгляд лейтенанта, Пибоди встала и вышла.

– Они собирались назначить ему срок до первого числа следующего месяца. – Уолтер взял ложку и помешал свой остывший кофе. – Карл сказал мне в четверг, что поговорит с Барб, но его решение было твердым. До первого декабря сын должен найти работу и начать ответственную жизнь, а если нет – пусть отправляется на все четыре стороны. Барбара все время ходила расстроенная, у них ни дня не проходило без ругани. Дальше так продолжаться не могло.

– Они часто ругались? – переспросила Ева.

– Он спал по полдня, потом полночи где-то шлялся. А потом ныл: вода ему недостаточно мокрая, небо недостаточно голубое. Он совсем их не уважал, совсем не ценил, и вот их не стало. Теперь ему придется с этим жить.

Высказав все это, Уолтер не сдержал слез. Сильвия вскочила и обняла мужа.

– Вы знаете, как связаться с Джерри?

– Понятия не имею! – Сильвия гладила мужа по голове, стараясь его утешить. – Наверное, отправился куда-то на несколько дней с дружками.

«Это вряд ли», – подумала Ева, но ответила на слова женщины согласным кивком.

– Мне неприятно об этом спрашивать, но вы сможете определить, не пропало ли что-нибудь из соседской квартиры?

Сильвия зажмурилась.

– Да, наверняка смогу. Я знаю квартиру Барб и ее вещи, как свои собственные.

– Была бы вам признательна, если бы вы туда заглянули. Когда мы будем готовы пригласить вас туда, вас позовут. – Ева встала. – Мы ценим ваше содействие.

– Мы сделаем все, что сможем. – Сильвия прижималась щекой к плечу мужа, горестно покачиваясь вместе с ним.

Выйдя в коридор, Ева застала там беседующих Пибоди и Кардининни.

– Банка из-под кофе на месте, но пустая.

– Почему-то я не удивлена.

– Чистильщики вот-вот прибудут.

– Отлично. Офицер, когда уберут тела, отведите туда миссис Гантерсен. Запишите, что, по ее словам, пропало.

– Будет исполнено, сэр.

– Пибоди, мы едем искать ленивого ублюдка сына.

– Только чтобы все было по закону! – предостерегла Пибоди Кардининни.

– Постараюсь.

У лифта Ева проинструктировала прибывших чистиль-

щиков, потом нагнала Пибоди.

– Расскажи мне про сыночка.

– «Ленивый ублюдок» – похоже, правильная характеристика, – начала Пибоди. – На втором курсе его отчислили из колледжа. Ни на одной работе не удерживался больше полугода, в том числе в отцовской конторе. Последнее место – разносчик ресторана «Американа». Пару раз задерживался за мелкие правонарушения: нетрезвое состояние, нарушение общественного порядка. Ничего крупного, в склонности к насилию замечен не был.

– Сдается мне, это его рук дело.

– Ублюдок расправился с мамочкой и папочкой из-за мелочи в банке из-под кофе?

– Нет, из-за того, что его жизнь спущена в унитаз, а родители решили перестать тянуть его за уши. Вот как я это вижу. Проверим, не использовал ли он кредитные и дебетовые карты на имя отца или матери.

По пути она забрала у полицейского, караулившего вход, диск с записями камер наблюдения.

– Приступайте к обходу квартир, – распорядилась она. – Выясните, вдруг кто-то что-то видел или слышал. Если кто-нибудь видел Джерри Рейнхолда, уточните, когда это было. Начните с восьмого этажа и не пропускайте ни одного.

– Слушаюсь, сэр.

В машине она вставила диск в проигрыватель.

– Поглядим, что тут есть.

Она начала ускоренный просмотр с утра пятницы. На экране появились Гантерсены с широкими улыбками и с чемоданами, потом засновали туда-сюда разные люди.

– Полюбуйся, наш погибший: возвращается с работы. Вечер пятницы, восемнадцать двадцать три.

– Усталый вид, – заметила Пибоди.

– Еще бы, он думает, что предстоит ссора с сыном. Знал бы он, что его ждет нечто пострашнее.

Ни в пятницу вечером, ни в субботу утром камеры Рейнхолда-младшего не зафиксировали.

– Он там ночевал? – в ужасе воскликнула Пибоди. – Рядом с убитыми родителями?

– Зато у него было полно времени, чтобы забрать все, что он хотел, и все обдумать. Видишь, выходит? Двадцать двадцать восемь, вечер субботы. Он провел с ними больше суток. Тащит два чемодана. Давай проверим вызов такси по этому адресу или посадку пассажира на ближайшем углу. Не мог же этот лентяй сам волочить чемоданы неведомо куда!

– Еще улыбается! – тихо проговорила Пибоди.

– Вижу. Смотрим дальше. Вдруг он возвращался? – Поглядывая на экран, Ева втянулась в транспортное месиво.

– Куда поедем для начала?

– Пожалуй, по его последнему известному адресу.

Пока Ева вела машину, Пибоди тоже не бездействовала.

– Никаких операций с картами погибших, – доложила она.

– Значит, он не законченный болван.

– В квартиру он не возвращался.

– Потому что уже забрал все, что хотел.

– Долго ли он протянет на содержимом банки из-под кофе? Даже если там лежала пара тысяч баксов – и то многовато для домашней копилки.

– Давай-ка проверим финансы обоих убитых. Переводы и снятия со всех их счетов. Люди обычно записывают где-нибудь пароли, – опередила Ева возражение Пибоди. – У него было достаточно времени, чтобы обзавестись их паролями и кодами и попользоваться их счетами. Но сперва – такси. Вдруг нам повезет?

Ева уже сворачивала на улицу, где раньше обитал Джерри, когда Пибоди издала радостный крик.

– Нашла! – Она продемонстрировала большой палец и продолжила работу с коммуникатором. – Вот оно! Служба такси «Рэпид Кеб». Сел прямо перед своим домом, доставлен к «Мэнору» – шикарному бутик-отелю в Уэст-Виллидж.

– Адрес, Пибоди!

Пибоди ввела в навигатор адрес, Ева включила сирену и «мигалку» и лихо вписалась в поворот. Пибоди со страху вцепилась побелевшими пальцами в свой талисман и забормотала молитву – недлинную, зато искреннюю.

Отель соответствовал своему названию: он действительно походил на зажиточный графский особняк в английской провинции. Это была великолепная кирпичная постройка,

хорошо отреставрированная и заросшая плющом, с широким портиком на входе и ливрейным привратником, на лице которого застыла пренебрежительная гримасса.

Ева еще только притормаживала, а он уже торопился навстречу в своей царственной синей с золотом ливрее и сияющих высоких сапогах.

– Послушай, дружок, – начала она, но его выражение на глазах изменилось: только что он был готов сказать гадость, а теперь произносил почтительное приветствие.

– Лейтенант Даллас! Чем мы можем вам помочь?

Он сбил ее с толку. Как она ненавидела это состояние недоумения! Но в следующее мгновение она догадалась, что к чему: «Мэнор» принадлежал Рорку, и привратнику только что порекомендовали оказать супруге большого босса всяческое содействие.

Подобная ситуация уже не вызывала у нее ненависти, но все равно раздражала.

– Мне нужно, чтобы моя машина стояла там, где я ее оставлю. И менеджера мне, поскорее!

– Разумеется. Диего! – Привратник подозвал служащего во всем черном, с полной тележкой. – Проследи за сохранностью машины лейтенанта Даллас. Я придержу для вас дверь, лейтенант. – Он распахнул тяжелую резную дверь и величественным жестом пригласил полицейских внутрь.

Просторный вестибюль походил на безупречную гостиную в стиле Старого Света. Ева подумала, что все здесь вы-

держано в излюбленном стиле Рорка: лакированное дерево, выложенный сияющей плиткой пол, тяжелые бронзовые светильники, обилие прекрасно подобранных и красиво расположенных цветов. Вместо услужливых клерков за стойкой она увидела женщину, сидящую в кожаном кресле с высокой спинкой одного цвета с ливреей привратника. На женщине было надето простое гладкое платье черного цвета, черные волосы собраны в глянцевый хвост.

– Риана, это лейтенант Даллас и… прошу прощения?

– Детектив Пибоди, – подсказала Ева привратнику.

– Им срочно нужна Джолин.

– Конечно, одну минуту. Не желаете присесть?

– Мы постоим.

Женщина, продолжая улыбаться, дотронулась до своего наушника.

– Джолин, это Риана из лобби. Здесь лейтенант Даллас. Да, разумеется.

Новая улыбка.

– Она сейчас спустится. Не желаете освежиться? У нас прекрасный выбор чая.

– На ваше усмотрение. – Ева достала свой ноутбук. – Взгляните на этого молодого человека. Вероятно, он назвался Джеральдом Рейнхолдом. В каком он номере?

– Мистер Рейнхолд выписался два часа назад. – Улыбка Рианы сменилась гримасой комического огорчения. – Мне ужасно жаль!

– Проклятье? Вы уже заступили на дежурство? – обратилась она к привратнику.

– Да, это было при мне. Я загрузил два его чемодана в наш бесплатный автобус-шаттл, следовавший в аэропорт. Он сказал, что вылетает ранним рейсом в Майами.

– Лейтенант? – Женщина средних лет в костюме оттенка граната, с золотисто-каштановыми волосами, в туфлях на высоких каблуках пересекла холл и протянула Еве руку: – Я Джолин Мортимер. Добро пожаловать в «Мэнор». Чем могу быть вам полезной?

– Мне нужно осмотреть номер, где останавливался Джеральд Рейнхолд. Для начала ответьте, как он расплатился, что заказывал, находясь у вас, с кем говорил.

– Конечно. Риана?

Та, уже торопливо барабанившая пальцами по планшету, закивала.

– Уже готово. Мистер Рейнхолд снимал «Сквайр Сьют». Он заказал номер вечером в пятницу по электронной почте, при помощи кредитной карты, но, прибыв вечером в субботу, заплатил наличными. За подачу еды и напитков в номер он тоже платил наличными: в субботу в двадцать один час пять минут, вчера в десять тридцать утра и в семнадцать ноль-ноль, сегодня утром в семь. Дополнительные услуги – пользование мини-баром в номере.

– Каков суммарный расход? – поинтересовалась Ева.

– Прошу прощения?

– Сколько он потратил?

– Ммм… – Риана покосилась на менеджера, та утвердительно кивнула. – Три тысячи шестьсот долларов сорок пять центов, все полностью уплачено – наличными, как я сказала.

– Нам понадобятся копии всех ваших счетов. А пока я хочу заглянуть в его номер.

– Пойдемте со мной. – Джолин опять зацокала по плитке, направляясь к бронзовой двери лифта. – Там сейчас убираются.

– Пусть прервутся, – распорядилась Ева.

– Я уже велела бригаде по уборке оставить в номере весь мусор, белье и полотенца, посуду.

– Как предусмотрительно! Мне также потребуются записи ваших камер наблюдения – наружной, на его этаже, в лифтах, в лобби.

– Я позабочусь об этом.

Раздражение Евы понемногу улеглось.

– Можно узнать, что натворил мистер Рейнхолд?

– Он – главный подозреваемый по делу о двойном убийстве.

– Боже мой!

Джолин повела ее по широкому коридору налево от лифта. Подойдя к белоснежной двери с бронзовой табличкой THE SQUIRE'S SUITE, она приложила к пластине электронный ключ.

– Пибоди!

По жесту Евы Пибоди взялась за аккуратно завязанный мешок с мусором, оставленный у двери. Сама Ева стала исследовать небольшой обеденный стол, усеянный тарелками, чашками и стаканчиками.

– Обильный завтрак!

– Яйца «Бенедикт», шампанское, свежевыжатый апельсиновый сок, ягодная смесь со взбитыми сливками, большой яблочный пирог, бекон. – Джолин подняла глаза к потолку. – Хотите послушать еще? Он заказал креветки «а-ля Эмили» в качестве закуски, филе-миньон средней прожарки с соленым жареным картофелем, еще масла, консервированную морковь, шоколадное суфле, два шоколадных пирожных, бутылку нашего шампанского «Жуэ Премиум» – все это в вечер своего прибытия. Еще он употребил восемь баночек колы, три бутылочки воды, две баночки кешью, шоколадки, фруктовые леденцы, различное спиртное из мини-бара.

– Царская трапеза, – пробормотала Ева. – Ну и аппетит!

Она прошлась по номеру и обратила внимание на то, что жилец номера не сидел без дела: повсюду были разбросаны диски с развлекательными программами и использованные стаканчики.

– Можете проверить, пользовался ли он этим? – Она указала на гостиничный коммуникатор на столике с изогнутыми ножками.

– Уже проверила. Только внутри отеля: заказывал доставку еды в номер и проверял расписание автобуса до аэропор-

та.

– Здесь ничего, лейтенант, – доложила Пибоди, закончившая рыться в мусоре.

– Майами?

– Как раз занимаюсь, – откликнулась Пибоди, не поднимая головы от своего ноутбука. Надо ведь проверить все рейсы: шаттлы, регулярные, коммерческие, чартерные, частные.

Ева кивнула и прошла в спальню. Горничная уже сняла с кровати постельное белье и сложила его аккуратной стопкой на полу. Ева заглянула в шкаф, проверила все полки, побывала в ванной комнате. Пибоди в это время так же тщательно прочесывала гостиную.

– Ужасный грязнуля! – буркнула Ева. – Разбросал все полотенца, все повынимал и повытаскивал, наделал луж, не оставил в покое ни одного диска, разорил мини-бар, назаказал гору еды! Игра в богача, поселившегося в шикарном отеле, – вот что это такое!

– Решил, наверное, что может себе это позволить. – Ева увидела, как Пибоди хмурится, глядя на монитор. – Готова расшифровка финансов. У Рейнхолдов было восемьдесят четыре тысячи с хвостиком на совместных счетах, еще сорок с чем-то тысяч в облигациях с плавающим курсом и шесть тысяч на дебетовом карточном счете. Все до последнего цента переведено виртуальным путем с использованием данных Карла Рейнхолда в пятницу вечером и в субботу. Он перевел все по частям на три разных счета на свое имя. Теперь все

средства у него.

– А мы их возьмем и заморозим! – Ева потянулась к своему коммуникатору.

– Поздно, Даллас. Все поснимал – лично, наличными и чеками. В последнем из банков он побывал меньше четверти часа назад.

– После понесенных расходов у него остается больше ста тридцати тысяч. Это уйма денег! Никакой Майами здесь, конечно, ни при чем.

– Лейтенант, – позвала Джолин, – что мы делаем теперь?

– Вы уже сделали все, что могли. Все учтено, мы вам крайне признательны. За вами только копии записей камер наблюдения и чеков.

– Вы все получите.

«Думай, думай!» – приказала себе Ева, выходя из номера.

– Вряд ли он сюда вернется, но если это случайно произойдет…

– У меня остались имя и фотография. Если он вернется в «Мэнор», я немедленно с вами свяжусь.

– Окажите такую любезность! Давно вы работаете у Рорка?

– Я занимаю эту должность уже три года, – ответила Джолин с улыбкой. – При прежних владельцах я была заместителем главного менеджера. Когда Рорк приобрел «Мэнор», он предложил мне на выбор временные должности в шести других его отелях, где проводилась реконструкция. Еще мне

предлагалось готовить персонал, особенно для «Мэнора», а когда он опять откроется, стать здесь главным менеджером.

– Рорк – мастер подбирать себе сотрудников. А прежний главный менеджер?

Улыбка Джолин превратилась в усмешку.

– Скажем так: он не соответствовал требованиям владельца.

Она проводила их обратно к Риане, уже приготовившей пакетик с диском и пухлый конверт.

– Надеюсь, вы быстро его поймаете. – Джолин пожала руку сначала Еве, потом Пибоди.

– Хотелось бы.

– Как мило! – сказала Пибоди в машине. – Удручающе, зато мило. Если бы Рорк владел вообще всем на свете, нам работалось бы гораздо легче.

– Он близок к этому. Я высажу тебя у первого банка, а сама отправлюсь по его последнему известному адресу. Твоя задача – проверить все три банка. Посмотрим, что ты там выяснишь. Давай выпустим предупреждение о розыске для всех транспортных центров и компаний аренды машин.

– У него нет водительских прав, – напомнила Пибоди.

– Эту проблему он преодолеет, достаточно найти кого-то поглупее.

– Или купит машину.

– Это обошлось бы дороговато. Но будем иметь в виду и такой вариант. А также пафосные отели: он – любитель ши-

ковать.

Высадив Пибоди, Ева некоторое время колесила по городу, пытаясь представить дальнейшие действия Джерри. Либо он покинет город, либо где-нибудь затаится.

Зачем оставаться в Нью-Йорке? Это слишком рискованно.

Однако она не исключала и этого. По ее мнению, он не был дураком, по крайней мере набитым. Но все же каков идиот! Просадить за одну ночь в отеле больше трех тысяч! Спрятаться до понедельника, дождавшись открытия банков, и забрать все деньги – это разумно; но проспать-проесть такие деньжищи – вопиющий идиотизм!

Приехав по его последнему известному адресу, она включила на машине сигнал «на задании». Раз он такой любитель шиковать, то, может, захочет похвастаться перед дружками? Или даже опять покатить в Вегас, еще раз попытать счастья? А то и понежиться на солнышке на тропическом пляже.

Ева вспомнила, что у него была девушка, и решила ее допросить.

Своим универсальным ключом она открыла дверь невзрачного трехэтажного дома и, побрезговав древним лифтом, поднялась по лестнице на верхний этаж.

3

Она постучала, уверенная, что в это время дня никого не застанет, но изнутри послышался лязг задвижки.

Дверь открыл мужчина – лет 25, среднего роста, подтянутый, даже спортивный: в этом не было сомнения, на нем были короткие велосипедные шорты и облегающая майка. Каштановые волосы с красным гребнем собраны на затылке в короткий хвостик.

Он привалился к дверному косяку, подбоченился, демонстрируя завидную мускулатуру.

– Привет, – сказал он.

– Взаимно.

При виде Евиного полицейского жетона он сразу утратил задор.

– Какая-то проблема?

– Еще не знаю. Можно войти? Есть разговор.

– Вот как? – Он оглянулся, переступил с ноги на ногу, опять уставился на нее. – Входите. Сегодня я работаю дома. – Он распахнул дверь. – Устроил себе перерыв, чтобы проехать пару миль на велосипеде.

Ева увидела маленькое окно, под ним короткий стол, заваленный дисками, папками. В углу стола примостилась мисочка с соевыми чипсами, рядом стояла банка спортивного напитка. Напротив широкого настенного экрана красовался

сверкающий велотренажер.

– Знаю, пару недель назад я превысил скорость и нарвался на штраф. Я обязательно заплачу.

– Я похожа на сотрудницу транспортной полиции?

– Вообще-то не очень.

– Лейтенант Даллас, Управление полиции Нью-Йорка, отдел убийств.

– Убийств?! Только не это!

– Вы – Малахия Голд?

– Да. Мэл. Меня называют Мэлом. Кого убили? Вы знаете о каком-то убийстве?

Он вдруг превратился в мальчишку.

– Еще не знаю. Вы знакомы с Джерри Рейнхолдом?

– С Джерри? С ДЖЕРРИ? – Теперь он выглядел не только юным, но и больным. – Господи боже мой! Мне надо сесть, – он плюхнулся на гладкий серебристый диванчик. – Джерри погиб?

– Этого я не говорила. Мне известно, что вы знакомы. Как вы познакомились?

– Мы были соседями. Мы вместе росли. В детстве жили в половине квартала друг от друга, вместе ходили в школу. Мы по-прежнему встречаемся, иногда выпиваем вместе пива. Я всю жизнь знаю Джерри. Что случилось-то?

– Дойдет и до этого. Какой работой вы здесь занимаетесь, Мэл?

– Что? А-а. Я программист. При желании могу работать

дома. Я пишу программы и занимаюсь наладкой для «Глобал Юнайтед».

– Хорошо получается?

– Неплохо. – Он провел ладонью по лицу, как будто пытался проснуться. – Работенка что надо, мне всегда хотелось такую, сколько себя помню.

– И платят неплохо?

– Платят, если заслуживаешь. Не пойму, что случилось-то?

«Дай оглядеться», – подумала Ева.

– Как я погляжу, Мэл, ты хорошо устроился: мебель, тренажер, все такое. А домик-то – барахло!

Он выдавил улыбку.

– Согласен. Но это оболочка, главное – что внутри. Меня устраивает район: живу в пешей или велосипедной доступности от работы, тренажерного зала, моих родителей. Со всеми знаком, разве не здорово? Когда стал зарабатывать, мог переехать, но я решил остаться здесь.

– Понятно. В данных Джерри указан этот адрес.

– Вот как? – Мэл сдвинул брови. – Да, мы пару лет жили здесь вдвоем, но он съехал уже давно, восемь-девять месяцев назад.

– Почему?

– Потому что познакомился с Лори и…

– Лори Нуссио?

– Она самая. Он переехал к ней.

– Он же не поэтому от тебя отселился?

Мэл поерзал с виноватым видом.

– Понимаете, я целых три месяца платил за него аренду, начался уже четвертый. Куда это годится? Он даже не пытался участвовать. Вот он и переселился: сначала на пару месяцев к своим родителям, потом к Лори.

– Вы с ним ссорились из-за арендной платы?

– Не ссорились, а спорили. Ну, вы знаете, как это бывает. Он был, конечно, недоволен, но мы все уладили. Мы же старые друзья! Когда мне дали большую прибавку, я летом снял на неделю виллу в шикарном Хэмптонсе и пригласил Джерри и еще двоих. Все прошло прекрасно. Так что с ним стряслось? Как он умер?

– Он не умер.

– Но вы сказали?

– Я этого не говорила. Насколько мне известно, Джерри жив. В отличие от его родителей.

При этих ее словах Мэл вскочил, как будто подброшенный пружиной.

– Что? Нет! Мистер и миссис Рейнхолд?! Нет! Несчастный случай?

– Отдел убийств, Мэл, помнишь?

– Какой ужас! – У него хлынули слезы из глаз, голос охрип. – На них напали? Они обожают ходить в кино и иногда поздно возвращаются домой.

– Нет.

Он опять рухнул на диван и закрыл ладонями лицо.

– Не могу поверить! Миссис Рейнхолд. Она всегда чем-нибудь меня угощала, когда я к ним заглядывал: то печенье сунет, то кусок пирога, то сандвич. Вечно твердила, что мне надо постричься и найти себе хорошую девушку. Как вторая мать, представляете? Господи, когда моя мама узнает, это станет для нее потрясением. Они – старые-престарые подруги. Бедняга Джерри, вот ведь не повезло! Он знает?

– Еще как знает! Он их и убил.

Мэл медленно опустил руки, мутные от шока и слез глаза впились в Еву.

– Чушь какая-то! Неправда! Быть такого не может! Ни за что. Даже не думайте, леди.

– Лейтенант. Самая что ни на есть правда. Где он, Мэл? Куда мог пойти?

– Не знаю, не знаю, – он раскачивался, прижимая к животу кулак. – Куда бы вы пошли, когда вокруг творится сумасшествие, когда все рушится? Домой, куда же еще!

– С домом он покончил.

– Он бы пальцем их не тронул. Это ошибка!

– Свяжись с ним. Вызови по коммуникатору.

– Слушайте, я же его друг. Вы пытаетесь сцапать его за преступление, которого он не совершал. Не мог совершить.

Ева подошла к нему вплотную.

– Он пырнул мать ножом на кухне. Я еще не была в морге и не могу сказать, сколько нанесено ударов, знаю только, что

она вся искромсана. Потом дождался, пока вернется с работы отец, и превратил его в месиво бейсбольной битой.

Мэл посерел.

– Нет-нет, он не… Бейсбольной битой?

– Совершенно верно.

Мэл судорожно сглотнул.

– Мы играли в бейсбол: сначала в Детской лиге, потом на пустыре – несколько лет назад мой отец сколотил команду. Но Джерри все равно этого не сделал бы.

– Представь, сделал. Потом вынес из дома всю наличность, нашел пароли и перевел на свое имя все, что у них было, до последнего гроша. Последние две ночи он прожил в роскошном отеле: устроил себе красивую жизнь.

– Нет! – Мэл встал и подошел к окну над своим столом. – Не желаю этого слышать. Мы дружили с шестилетнего возраста.

– Куда он мог пойти?

– Клянусь, не знаю. Клянусь жизнью своей матери! Сюда он не приходил. Он ни во что меня не втягивал.

– Он избавился от своего комуникатора. У него уже наверняка новый, поэтому твой его не опознает. Если он свяжется с тобой, ничего не говори. Если захочет где-нибудь с тобой встретиться, соглашайся – только обязательно выйди на меня. Явится сюда – не впускай. Не подавай виду, что ты дома, – и свяжись со мной. – Вставая, Ева положила на стол свою карточку. – Назови мне какие-нибудь имена. Других

друзей. И расскажи про эту Лори Нуссио.

– Сейчас…

Он перечислял имена, Ева вносила их в свой ноутбук.

– Она его выгнала. Я про Лори. Он остался без работы и перестал отдавать свою часть аренды.

– Это вошло у него в привычку.

– Выходит, что так. Пару месяцев назад он подался в Вегас с парочкой друзей: с Джо и Дейвом, я вам их называл. Я не смог поехать из-за дня рождения сестры и, конечно, огорчился. Я слышал, что он там проигрался, и Лори его выгнала. Тогда он поселился у родителей.

Мэл потер себе лицо.

– Мне надо увидеться с матерью.

– Могу тебя отвезти.

– Спасибо, я сам. Мне полезно пройтись. Он ведь мне почти что брат, представляете? Он – единственный ребенок в семье, у меня сестра, и мы с ним – как братья. Согласен, он неудачник. Неприятно это говорить, но так и есть – самый настоящий неудачник. Но сделать такое! Мне надо домой.

– Ладно, Мэл. – Ева сунула ему свою карточку. – Занеси эти номера в свой коммуникатор. Свяжись со мной, если увидишь или услышишь его. Если увидит или услышит кто-то другой – тоже свяжись. Все понятно?

– Все.

Ева поговорила с Пибоди, занимавшейся двумя другими друзьями Джерри, чьи имена назвала им Сильвия Гантерсен,

а потом отправилась к его бывшей подружке. Там ей повезло меньше, чем с Мэлом Голдом. На стук в дверь никто не ответил. Тогда Ева стала стучаться к соседям. Наконец одна из дверей приоткрылась.

– Я ничего не покупаю, – предупредил из-за двери женский голос.

– А я ничего не продаю. – Ева показала свой жетон. – Я ищу Лори Нуссио.

– Только не рассказывайте мне, что такая славная девушка – преступница.

– Не буду. Я хотела кое-что с ней обсудить. Она ничего не сделала.

Дверь открылась шире, и крючконосая соседка Лори окинула Еву суровым взглядом.

– У нее сегодня выходной. Как и у меня. Кажется, она ушла пару часов назад. Вроде бы за покупками, потом перекусить с подружкой, сделать прическу. Мало ли чем занимаются девушки в этом возрасте!

– Миссис…

– Мисс. Кребтри. Сэла Кребтри.

Ева показала ей на своем ноутбуке фотографию Джерри.

– Видели здесь его, мисс Кребтри?

Женщина фыркнула, широко распахнула дверь и взъерошила свои светлые непричесанные волосы.

– Этого? С тех пор как она дала ему от ворот поворот – нет. И очень этому рада. Говорите, он что-то натворил?

Охотно верю. По-моему, он обращался с нашей милой девочкой совсем не так, как она заслуживает. Я прямо так ей и говорила, твердила, что она достойна лучшего. У меня самой был в ее возрасте похожий обормот. Я дала ему пинка – и очень этим гордилась.

«У Джерри совсем нет поклонников», – подумала Ева и кивнула.

– Если она вернется, передайте ей мою карточку. Пусть позвонит.

– Сделаю, не беспокойтесь.

– А если появится он? Вы мне сообщите, мисс Кребтри?

Женщина растянула губы в улыбке.

– Можешь на меня положиться, сестренка.

– Только не вздумайте с ним связываться!

– Он на кого-то напал?

– Откуда такое предположение?

– У него был нехороший взгляд. Я тридцать три года работаю в баре. Уж в глазах-то я разбираюсь, умею отличить добрый взгляд от злого.

– Действительно, напал, – подтвердила Ева. – Так что не связывайтесь. Просто скажите Лори как можно скорее мне позвонить.

– Буду с нетерпением ждать ее. И его. Только он уже с месяц здесь не появлялся. Вспомнила! – Она ткнула в Еву пальцем. – У меня есть номер Лориного карманного коммуникатора.

– У меня он тоже есть. Буду пытаться ее разыскать. Спасибо.

По пути вниз она попыталась дозвониться Лори, но ответа не было. Она недоуменно повторила ввод данных, проверила номер, попробовала еще раз – опять безрезультатно.

Поменяла, что ли?

Ева вернулась к соседке Лори и проверила номер – он оказался правильным.

– Припоминаю, она что-то говорила про новый коммуникатор, – сказала Кребтри. – С новым номером и всем прочим. Она всегда охотится за новинками.

– В общем, как только ее увидите, скажите, чтобы позвонила мне.

По пути в морг Ева успела связаться с тремя людьми из списка и поговорить с менеджером ресторана, где работала Лори Нуссио.

Возможно, без посещения морга можно было обойтись: ей не требовалось подтверждать такую очевидную причину смерти обоих пострадавших. Но это было частью процедуры, которой она никогда не изменяла. Она хотела еще раз взглянуть на погибших, как ни тяжело это было. Мнением Морриса тоже нельзя пренебрегать. Главный судмедэксперт часто видел картину по-своему. И всякий раз заставлял ее шевелить мозгами.

Она шла по гулкому белому тоннелю, замедляя шаг у торговых автоматов. Не мешало бы освежиться, но у нее были

напряженные отношения с автоматами. И сейчас совсем не было настроения вступать в конфликт с проклятой железякой.

Поглубже засунув руки в карманы, она дошла до двери Морриса и решительно ее толкнула.

Оба тела, отмытые от крови, лежали на кафельных столах. Моррис с профессиональной точностью вскрыл Y-образным разрезом грудную клетку женщины и увлеченно изучал ее содержимое. Его умные глаза обрамляли очки с сильными линзами, на серый с синими блестками костюм был накинут белоснежный халат. Длинные черные волосы, заплетенные в три косицы, были перетянуты серебряной лентой.

– Говорят, это работа их сынишки?

– Да.

Он выпрямился.

– Это гораздо острее змеиных зубов.

– Какие змеиные зубы?

Он улыбнулся, и его очаровательное лицо потеплело.

– Это из Шекспира.

– Понятно. – Неудивительно, что он и Рорк находят общий язык. – В этом маловато поэзии.

– Он еще специализировался на трагедиях. Здесь как раз трагедия.

– Я могу сказать одно: дебил сынок окончательно спятил. У тебя не найдется чего-нибудь холодненького?

– У нас тут все холодное. – Он чуть заметно улыбнулся. –

Тебя интересуют напитки? – Он сделал широкий жест рукой в окровавленной перчатке. – Угощайся. Будь как дома.

– Торговые автоматы при виде меня вечно ломаются, – объяснила она, подходя к его маленькому холодильнику. – Не иначе это какая-то химия.

– Неужели?

Она с облегчением достала баночку колы, щелкнула кольцом, сделала глоток.

– За твое здоровье!

– И тебе не хворать. Как видишь, женщин пропускают вперед – в ее случае это сработало даже в смерти. Напоследок, часов за пять до кончины, она употребила внутрь кусок белого хлеба, примерно шесть унций соевого кофе с искусственным подсластителем и полчашки греческого йогурта с гранолой. Не такая уж вкусная последняя трапеза. Она была чуть-чуть недокормленной, состояние здоровья превосходное. Во всяком случае, до пятидесяти трех ножевых ударов.

– Серьезный перебор!

– Большинство ранений нанесено, когда она лежала на животе – об этом свидетельствует угол проникновения лезвия. Некоторые удары были так сильны, что сокрушали кости. Отколот кусочек большой берцовой. – Он продемонстрировал сосуд с обломком кости. – По-моему, все ранения нанесены одним и тем же ножом – тем, который ты обнаружила воткнутым в труп. Раны, свидетельствующие о попытках обороняться, отсутствуют.

– Он застал ее врасплох. Даже когда это уже происходило, она не верила, что такое возможно.

– Согласен. Из моей реконструкции следует вывод, что первый удар был нанесен вот сюда. – Он указал пальцем на живот убитой. – Повреждения серьезные, но при надлежащем и своевременном лечении она бы поправилась. Следующий удар, вероятно, вот этот, пришелся примерно туда же.

– Они находились лицом к лицу.

– Да, и, вероятно, очень близко. Следующие удары наносились наугад, с большей силой.

– И глубже, – прошептала она.

– В спину. – Он сменил проекцию на мониторе, чтобы показать Еве спину убитой. – Несколько ударов, опять-таки судя по углу проникновения, были, вероятно, нанесены при ее попытке спастись, потом – когда она упала. Большая часть ударов нанесена, когда она уже была мертва или по крайней мере потеряла сознание. Слабое утешение. О падении говорят ушибы, но она их уже не почувствовала.

– Это совсем не утешает.

– Кто это сделал, ты знаешь. А почему?

– Потому что он кретин. Даже старый верный друг называет его неудачником. Ни на одной работе не мог – или не хотел – удержаться, подружка вытолкала его за дверь. Вернулся жить к мамочке с папочкой, а те давай зудеть: «Либо взрослей, либо выметайся!» Думаю, мамаша устроила ему очередную головомойку, и тогда он…

– Боюсь, родительская стезя усеяна ловушками. Одна из них стоила женщине жизни.

– Так и есть.

Сколько ножевых ударов сама Ева нанесла своему отцу? Кто-нибудь их считал? Но тогда решался вопрос жизни и смерти – ее жизни и смерти.

– Что скажешь о другом пострадавшем?

– Пока – самые предварительные соображения. – Моррис перешел ко второму кафельному столу. – Ты правильно определила на месте преступления время его совершения, бита, приобщенная тобой к вещдокам, соответствует характеру повреждений. Первый удар пришелся вот сюда: широкой частью биты – прямо в лицо.

– С размаху, – подхватила Ева. – Перед кухней есть маленький выступ. Он стоял за ним. Муж входит – и отшатывается. Видит тело жены, кровь, хочет бежать. Убийца с размаху бьет его в лицо.

– Раздроблены нос, левая скула, глазная впадина. Следующие удары выбивают несколько зубов, челюсть, в трех местах проламывают череп. Потом он занялся трупом. По моей оценке – я ее еще уточню, – ударов было примерно три десятка. Некоторые нанесены сверху вниз: бита втыкалась в тело. Уже после первого удара жертва, видимо, лишилась чувств.

– Ему повезло больше, чем его жене.

– Да, ей пришлось больше мучиться.

– Ты когда-нибудь дрался с родителями?

Он с готовностью улыбнулся.

– Думаешь, я не был подростком? Долг подростка – воевать с родителями и испытывать их терпение.

– Ты фантазировал, как отвешиваешь им тумаки?

– Такого не припомню. Но я регулярно представлял, как доказываю их неправоту, хотя на самом деле мне ни разу не удалось их переубедить. Еще я мечтал, как сбегу и стану знаменитым музыкантом в стиле блюз.

– Мечты сбылись: ты классно дудишь на саксофоне.

– Так-то оно так, но, – он задрал руки, – моя работа – мертвецы, как, кстати, и твоя. Давай уж постараемся ради матери и отца этого ублюдка.

– Я готова. Спасибо за угощение.

– Всегда пожалуйста. Кстати. Даллас, заранее спасибо за приглашение на День благодарения. Для меня честь принадлежать к числу ваших близких и друзей.

Она пожала плечами, чтобы скрыть дрожь.

– Слушай, Моррис, сколько раз мы с тобой стояли вот так над мертвецами? Кто мы, если не самые близкие люди?

Из морга Ева поехала в Управление полиции. Надо было подытожить собранные сведения и написать предварительный отчет. Да, еще договориться о консультации с Мирой – если до конца дня они не найдут Рейнхолда. Вместе с ней в лифт загрузилась группа ротозеев под предводительством экскурсовода – полиция старалась быть открытой для горо-

жан. Ева в последний момент выскочила из лифта, предпочтя одиночество на медлительных эскалаторах. Увидев на дисплее коммуникатора Пибоди, она нажала клавишу вызова:

– Даллас на связи. Ну, что накопала?

– Питту с сыром и зеленью, соевый картофель. Я в киоске на углу Управления. Сейчас буду. Взять что-нибудь для тебя?

Ева собиралась отказаться, но вовремя спохватилась.

– Тащи хот-дог. Я уже в здании, поднимаюсь наверх.

– Заметано. Буду через десять минут.

В ее отсеке Дженкинсон, так и не снявший свой термоядерный галстук, пялился в монитор. Бакстер, по-прежнему в темных очках, с нечеловеческой скоростью щелкал по своему коммуникатору. В нос Еве ударил запах жареного лука, перебивший дух дрянного кофе.

Кармайкл, одетая, как положено, в полицейский мундир, одной рукой вытягивала луковые колечки из жирного пакета, а другой постукивала по клавиатуре.

Ситуация в норме, решила Ева и спряталась у себя в кабинете.

Плевать на мигающую лампочку вызова! Сначала надо как следует устроиться. Она заказала распечатку фотографий места преступления, убитых, Рейнхолда.

Программа действий на предстоящий час. Фотографии. Отчет.

– Хот-дог со всем, что только можно, – доложила ввалившаяся в кабинет Пибоди, пахнущая едой. – Заодно захватила для тебя картошечки – вдруг захочешь?

– Спасибо.

Зная пристрастия напарницы, Пибоди указала на кухонный автомат. Ева подняла два пальца: кофе на двоих.

– Что дали опросы?

– Ну и дубина этот Джо Клейн! Отказывается верить, что Джерри – они с ним, дескать, кореша не разлей вода – способен на убийство. Ерничает, утверждает, что бывшая девушка Рейнхолда – сварливая стерва; ржет, когда вспоминает, как Рейнхолд проиграл в Вегасе пять тысяч с хвостиком, тогда как сам Клейн выиграл восемь. От их приятеля Дейва Хилдебрана было больше толку. Этот говорит, что Клейн и Рейнхолд – два сапога пара. Сообщение об убийстве совершенно его размазало, зато, – она подала Еве кофе, – когда он немного пришел в себя, то вспомнил, что Рейнхолд был в последнее время не в себе, сильно на взводе. «Окрысился на весь мир» – так он выразился: ругал родителей за то, что лезут не в свое дело, ко всем цеплялся, всех вокруг проклинал.

Пибоди пригубила кофе.

– Никому не давал спуску: ни своему бывшему боссу, ни сослуживцам, ни подружке. Мог пристать к случайному прохожему. Вечером накануне убийства Дейв, Рейнхолд и Клейн таскались по барам. Рейнхолд, дескать, только и делал, что бранился. Сам Дейв стал реже с ними видеться после Вегаса.

Он с кем-то встречается и, по его словам, устал от вечного нытья Рейнхолда и зубоскальства Клейна. О Мэле Голде он лучшего мнения – с ним ты, наверное, встретилась, он ведь живет по последнему адресу Джерри.

– Да, встретилась.

– Мои двое с вечера четверга не виделись и не говорили с Рейнхолдом. Клейн безуспешно звонил ему вечером в субботу.

– Еще бы, Рейнхолду было не до него. А Голд действительно неплохой парень.

Поедая хот-дог, она выведывала у Пибоди, на что та обратила внимание.

– Банки? – спросила она с набитым ртом.

– Я забрала копии записей камер наблюдения и просмотрела их по пути. Вид у него на них лощеный, заносчивый. Никаких чемоданов – один портфельчик. В банках говорят, что он требовал только наличность, но суммы были великоваты, так что часть денег он взял чеками. Его вежливо спрашивали, с чем связана такая спешка. Он отвечал: «Давайте деньги, или будет скандал». Сдается мне, не в таких обходительных выражениях.

– Надо будет взглянуть на эти записи. Камеры засекли его уход? На чем он уезжал?

– Уходил пешком. – Пибоди беспокойно ерзала в неудобном кресле напротив Евы. – Либо машина ждала его за углом, либо он ловил ее, когда скрывался из виду.

– Пусть полицейские наведаются в ближайшие заведения – вдруг там что-то заметили? С его бывшей я связаться не смогла. Ее соседка говорит, что она куда-то отправилась с подругой. И что хотела приобрести новый коммуникатор с новым номером. Займись этим. У соседки, Сэлы Кребтри, есть мои координаты. Если сегодня бывшая или ее соседка не выйдет на связь, навестим их завтра утром.

– Ясно.

– Я назначу встречу с Мирой. Уведомь всех, кого нужно. Родители убитых должны узнать о случившемся от нас, а не из прессы. Собери свои записи, чтобы я могла… – Она отвлеклась на сигнал настольного коммуникатора. Сделав над собой усилие, она проверила, от кого вызов.

– Черт, начальство! – Она на всякий случай накрыла рот рукой и включила связь. – Лейтенант Даллас.

Экран заполнила физиономия Уитни.

– Жду вас в своем кабинете, лейтенант.

– Есть, сэр.

– Немедленно!

– Уже бегу.

Экран погас.

– Мне достаточно представить, что он так вызывает меня, – и подступает тошнота, – призналась Пибоди.

– Проклятье, я съела почти весь хот-дог. Представляю, как теперь от меня пахнет! – Вскакивая, Ева рванула на себя ящик стола. – Неужели нечем освежить дыхание?

– Попробуй это. – Пибоди дала ей прозрачную коробочку с розовыми шариками.

– Почему они розовые?

– Вкус жевательной резинки. Очень неплохо. И помогает.

Выбора у Евы не было, и она отправила в рот два шарика. Несмотря на отталкивающий цвет, они оказались вкусными.

– Если я не вернусь к десяти, уведомь всех сама.

– Умоляю, возвращайся!

– Все зависит от Уитни.

На бегу она заметила, что отсутствует Дженкинсон на пару со своим кричащим галстуком, и решила, что он на вызове вместе со своим напарником Рейнеке. Бакстер пересел к его компьютеру и ничего вокруг не замечал. Темные очки наготове, в нагрудном кармане – не иначе, Бакстер готов снова их нацепить при возвращении термоядерного галстука.

Эта шутка могла развлекать их всю смену.

У торгового автомата переминалась детектив Кармайкл.

– Привет, – сказала она. – Вот, пришла за баночкой чего-нибудь похолоднее для очередного нашего подонка. Санчес сидит сейчас с ним в комнате для допросов «А».

– Что натворил очередной подонок?

– Столкнул наркомана с высокой лестницы, а потом запинал его до смерти за попытку всучить фальшивые деньги. То есть даже не фальшивые деньги, а игровые фантики. Такие подонки обычно имею дело с самой конченной наркотой.

– Игровые фантики? Весело.

– Что ж, теперь ему никуда на них не пройти.

– Куда не пройти?

– Никуда. – Кармайкл махнула рукой. – В «Монополии». В игре.

– Да уж, смерть – это полная остановка.

– Вот именно. Подонок утверждает, что «торчок» сам свалился, а что он бежал, как напуганная газель, – так это не потому, что мы за ним гнались, а чтобы, мол, не опоздать на встречу. Пакетики с дурью, которые мы на нем нашли, как и те, которые ему удалось выбросить, прежде чем его повалили прохожие, – ясное дело, не его. До того нагло врет, что так и подмывает ему врезать!

– Считай, что этого я не слышала.

Кармайкл улыбнулась.

– Санчес не позволяет мне распоясываться. Он у нас добрый коп. В отличие от злого – меня.

– Запинал, говоришь? Вы проверили его обувь?

Улыбка Кармайкл стала шире.

– Он даже не позаботился переобуться или смыть с башмаков кровь жертвы. Мы отдали кровь на анализ, но это лишнее: он оставил на груди жертвы четкий след. Не хуже, чем на мокром песке! Есть еще два свидетеля: они пялились в дверные «глазки», когда подонок толкнул «торчка» с лестницы, так он – наш подонок – при этом орал.

– Похоже, он изобличен. Зачем ублажать его холодной колой?

– Санчес прогнал меня, чтобы я остыла. Приятно, что ли, выслушивать, что меня надо как следует оприходовать в задницу штуковиной покрупнее, как раз как у него, которая меня ждет не дождется?

– За такую грубость просто необходимо ему врезать, и посильнее, Кармайкл. Мой путь пролегает как раз мимо комнаты «А». Как его имя?

– Уличная кличка – Клык. Альвар Рамондо.

Ева кивнула.

– Откроешь дверь, но входить повремени. Дверь оставь открытой.

Кармайкл так и поступила.

– Значит, увидимся, после того как… Привет!

Заглянув в комнату для допросов, Ева уставилась на массивного субъекта. Между 20 и 30 годами, латиноамериканец, короткие рукава, руки в завитках прихотливых татуировок.

– Почему ты не сказала, что здесь Ал?

Санчес разинул было рот, но Ева глянула на него, и он промолчал.

– Как дела, Ал? Как я погляжу, хвастаться нечем.

– Кто эта стерва? – спросил Клык. – Еще одна? Никаких проблем. Я вас обеих оприходую. – Улыбка – доказательство, что этот урод не привык раскошеливаться на дантиста. Схватив себя за причинное место, он завилял бедрами и мерзко закряхтел.

– Ага, так ты и говорил тогда, после текилы. Мне пригля-

нулись татуировки, – сказала она, обращаясь к Кармайкл, – вот я и не стала ему отказывать. И зря, признаться.

Ева закатила глаза и изобразила пальцами похабный жест.

Клык побагровел и попытался вскочить.

– Лживая сучка! Puta! Никогда раньше тебя не видел!

– Не помнишь меня, Ал? Ты еще просил называть тебя Клыком. Не бог весть что, – бросила она в сторону Кармайкл исповедальным тоном.

– Вот ведь лживая сука! Знать тебя не знаю.

– Это все текила. – Ева пожала плечами. – Не беда, главное, что я сама тебя помню. Никогда не забываю, – тот же похабный жест. – Ладно, увидимся!

Закрывая дверь, она довольно ухмылялась. О том, что она постаралась не зря, свидетельствовала доносившаяся из-за двери визгливая брань.

Теперь к Уитни она торопилась в приподнятом настроении.

4

В приемной было пусто, дверь кабинета Уитни распахнута. Ева вошла и остановилась. Темнолицый хозяин кабинета восседал за письменным столом, уставившись на экран.

Она подумала, что он очень подходит для этого кабинета с открывающимся из окна панорамным видом на город, который ему вменялось охранять. В свое время он трудился уличным копом, и очень неплохим. Теперь он возглавлял лучшее подразделение полиции во всей стране.

С этими обязанностями он тоже справлялся неплохо.

Она легонько постучала по дверному косяку.

– Прошу прощения, сэр. Вашего секретаря нет на месте.

– Обедает. – Он поманил ее к себе пальцем. – Закройте дверь.

– Слушаюсь, сэр. – Она знала, что он предложит ей сесть, но предпочитала докладывать стоя, поэтому встала навытяжку.

– Мы с Пибоди только что вернулись после раздельной предварительной работы по делу об убийстве четы Рейнхолд.

Он откинулся в кресле, сцепил толстые пальцы.

– Двойное убийство. Мать и отец.

– Так точно, сэр. Даже на первоначальном этапе существуют исчерпывающие доказательства того, что Джеральд Рейнхолд нанес своей матери более полусотни ударов ножом, по-

сле чего более шести часов дожидался прихода отца. Отца он забил до смерти ударами бейсбольной биты.

Она перечислила все, что было известно по делу, ничего не упустив. Уитни не перебивал ее, а просто наблюдал за ней из кресла, изредка кивая и задавая редкие уточняющие вопросы.

– Я намерена запросить у доктора Миры психологический профиль подозреваемого. Осталось еще допросить бывшую его подружку, сослуживцев, начальников. Трое людей, с которыми он был ближе всего, не имели с ним контактов после убийства.

– Вы им верите?

– Верю, сэр. Он получил то, что хотел. Устроил себе праздник. Я жду отчета от полицейского Кардининни о том, что пропало с места преступления, чтобы запросить ломбарды и магазины подержанных вещей. Ему нужно избавиться от всего, что он прихватил, чтобы иметь еще больше наличных. Ему хватило ума не оставаться на одном месте, где мы легко бы его нашли, но где-то он должен задержаться.

– Местная пресса вцепится в это дело. Поручаю ее вам.

Как Ева ни ненавидела прессу, у нее хорошо получалось держать ее в узде.

– Скоро я представлю вам более подробный рапорт, – отчеканила она.

– Представите, не сомневаюсь. Я удовлетворен продвижением этого расследования, но вызвал вас по другому пово-

ду. – Он положил ладони на стол. – Вы награждены Почетной медалью конгресса США.

– Сэр?

– Причины для награждения: образцовая работа с риском для жизни, спасенные благодаря вашей работе несчетные жизни, опасности, которым вы подвергались в связи с недавним делом о массовом убийстве с применением химического оружия, задержание Льюиса Коллуэя и Джины Макмиллон и их успешное изобличение.

– Для меня это большая честь, господин майор. Но расследование, арест, изобличение – не только моя заслуга. Моя бригада…

– …тоже будет отмечена, как и агент Тисдейл из Внутренней безопасности. Но возглавляли следственную бригаду вы, лейтенант. Этими людьми командовали и командуете вы. Это высочайшая честь, к которой может представить своего полицейского Управление полиции Нью-Йорка, и оно относится к этому со всей серьезностью, хотя иногда не обходится без вмешательства политиков. В данном случае, уверен, они не промахнулись. Или вы намерены опровергнуть мою уверенность, лейтенант?

– Никак нет, сэр. – Ловко он загнал ее в угол! – Спасибо, сэр.

– Награждение назначено на среду, на четырнадцать ноль-ноль. Мне велено вас уведомить, и я горд сделать это.

– Благодарю, господин майор. – От гордости, признатель-

ности и смущения ей стало трудно дышать. – Не хочу выглядеть неблагодарной. Я очень благодарна! Но нельзя ли сохранить это…

– В тайне? Чтобы новость не вышла за пределы узкого круга?

Она не верила, что такое возможно, но надежда умирает последней.

– Получится?

Он поджал губы.

– Даже не думайте. Выбросьте это из головы, Даллас.

Надежда умерла беззвучно.

– Слушаюсь, сэр.

– Есть еще одно дело, в котором имеется примесь политики. Ответьте, вы хотите производства в капитаны?

Ева разинула рот, но не надумала, что сказать. Ей показалось, что у нее отнялись ноги.

– Сэр?

– Я задал вам прямой вопрос, лейтенант, и хочу получить прямой ответ. – Прежде чем она собралась с мыслями, он наставил на нее палец и не позволил ответить. – Вы слишком молоды для этого звания. Вы были бы самым молодым капитаном среди всех под моим командованием. Если бы решал один я, вам бы еще долго не видать капитанских нашивок. Политика, размышление, предрассудки – все сыграло роль в том, чтобы не предлагать вам повышения в звании. То, как мы живем, отчасти зависит от того, кто мы такие, а отчасти

– от того, как нас воспринимают.

– Понятно, господин майор. – Она действительно понимала – и не только его, но и весь процесс, и саму себя, поэтому позволила себе расслабиться. – Всегда понимала и не жалела о том, как живу.

– И правильно делали. Стало труднее, можно даже сказать, невозможно, использовать против этого повышения ваш брак. Особенно в связи с решением наградить Рорка медалью «За заслуги» для гражданских лиц.

Она вытаращила глаза и не удержалась от усмешки.

– Я много лет смогу использовать это против него.

– У вас и у него любопытная динамика, – заметил Уитни. – А теперь мне нужен ваш ответ.

– Господин майор, – пытаясь прояснить мысли, чтобы и ответ получился ясным, Ева взъерошила себе волосы. – Три года назад я бы не колебалась. Тогда я еще пыталась что-то себе доказать. За пределами работы я чувствовала себя неуверенно, хотя не отдавала себе в этом отчета. Вот и стремилась доказать, что стою на твердой почве. Стремилась заслужить уважение.

– Вы его заслужили. – Изучая ее лицо, он свел брови на переносице. – А теперь вы колеблетесь?

– Сэр, я счастлива, что вас перевели из следователей в начальники Управления, восхищена вашим опытом и проницательностью. Ваша работа невероятно трудна, почетна и необходима.

– Что ж, Даллас, повышение у вас в кармане, если вы этого хотите.

Она немного перевела дух.

– Нет, я не готова к сидячей работе. В администраторы я гожусь, но все-таки я – сыщик. Капитан, ведущий расследование, – это исключение, а не правило. Я – коп, раскрывающий убийства. Я умею это делать, в этом моя сила. Иначе меня не представили бы к этому повышению.

Она вспомнила смешной галстук Дженкинсона, резиновую курицу над столом Санчеса, когда тот был новичком. Главным было доверие, которое она испытывала к любому в своем отделе.

– И еще, сэр. Я не хочу возводить преграду между собой и подчиненными. Не хочу создавать у них впечатление, что им надо лезть вверх по ступенькам, чтобы со мной поговорить, подключить меня к делу, попросить о помощи. Не хочу от них отдаляться. Они и сама работа для меня важнее капитанских нашивок. Рада, что могу искренне сказать это.

– Похоже, вы много над этим думали.

– Это не так, господин майор. Не так уж много. – Она поняла, что излила душу, причем не в самом подходящем для этого месте. – Я благодарна вам за желание меня отметить. Но я уверена, что лучше послужу Управлению и жителям Нью-Йорка на своем теперешнем месте.

Он опустился в свое кресло – большой человек с большим городом за спиной.

– Я бы мог сильнее надавить в соответствующих инстанциях, хотя при этом мне пришлось бы спорить с самим собой.

– Политика, сэр. – Движением плеч она отбросила эту презренную материю.

– В чем-то да, но не во всем. Главная причина, почему я решил не настаивать, – то, что я с вами согласен. Ваша сила – это ваши способности следователя, умение возглавить людей в отделе, проникнуть в самое нутро преступника и его жертвы. Не хочется всего этого лишиться. Но теперь, когда многие препятствия устранены, я решил, что пора обратиться к вам с этим вопросом напрямую.

– Можно откровенно, сэр? – Он кивнул, и она продолжила: – Большое облегчение – узнать, что препятствия устранены, и осознать собственные цели и приоритеты.

– С вашего позволения, я передам ваш ответ кому следует.

– Искренне вас благодарю, сэр.

– Не стоит благодарности, лейтенант. Я тоже говорю искренне.

Он встал, обошел стол и сделал нечто, что редко себе позволял: взял и потряс Евину руку.

– Вы свободны.

Она брела от него в недоумении, но в целом чувствовала облегчение. Это было как избавление от тяжести, о которой она как будто забыла; при этом она знала, где ее скинула, на случай если придется снова взвалить ее на себя.

А пока она наслаждалась забытым ощущением легкости.

Чудо-галстук вернулся на свое место и проявлял похвальное прилежание. Бакстер и Трухарт трепались за столом у Бакстера. Пибоди угрюмо трудилась за своим столом – не иначе занялась извещениями.

Все копы в комнате, включая Дженкинсона, надели темные очки.

– Это Голливуд или нормальная полиция?

– У нас и для вас найдется, босс. – Бакстер протянул ей очки с черными дужками и квадратными янтарными стеклами. – Мы не допустим, чтобы наш лейтенант выплакал все глаза.

Подхватывая их игру, она нацепила очки на нос и подошла к Пибоди.

– Как дела?

– С извещениями закончено. Родителей погибших известие убило. Моя мать всегда говорит: сколько бы ни исполнилось твоему ребенку, он всегда остается твоим ребенком. Думаю, она права. Я связалась с их местными консультантами по помощи в трагических случаях.

– Молодец.

– Готов предварительный рапорт чистильщика. Кардининни прислала список отсутствующих, по словам соседки, предметов в квартире. В вашей почте должны быть копии.

– Сейчас проверю.

– Вы долго отсутствовали. – Ева не отвечала, и Пибоди

продолжила: – Я послала отчет доктору Мире – вдруг вам понадобится ее консультация.

– Понадобится.

– Коммуникатор Нуссио все еще не подает признаков жизни. То ли она его не активировала, то ли стоит в очереди на регистрацию и ввод данных – это вероятнее. Когда заводишь новый коммуникатор, то сначала играешь с ним, как ребенок.

– Сколько времени обычно уходит на загрузку данных?

– Обычно? От пары часов до бесконечности.

– Отлично. Если не загрузится и если она не выйдет на связь до конца смены, я по пути домой снова к ней заскочу. В крайнем случае свяжемся с ней утром. Давай сюда описание исчезнувших предметов.

– Сейчас будет готово.

– Хорошо. – Она направилась к себе, но по пути оглянулась. – Ты славно потрудилась, Пибоди.

– Спасибо.

У себя в кабинете Ева закрыла было дверь, но одернула себя. Не хватало сесть и начать размышлять о разговоре с Уитни! Некогда ей анализировать предложения о повышении, политику, чутье начальства и подчиненных. Дело не ждет.

Сначала она взялась за список предметов. Он тоже требовал размышления.

Как она и ждала, в списке числилось несколько драгоценных вещиц. Маленькие клипсы в форме звездочек с бриллли-

антами (свидетельница отметила, что это был подарок Карла Барбаре на 25-ю годовщину их свадьбы). Старинные дамские золотые часы с бриллиантами и сапфирами, приблизительно середина XX века, марки «Ролекс» (с отметкой свидетельницы, что они принадлежали прабабке убитой – скорее всего, со стороны матери). Два золотых браслета, набор, жемчужное ожерелье с золотой застежкой – наследство бабки по материнской линии. И бриллиантовое обручальное кольцо убитой в золотой оправе.

Выходит, убитые придерживались традиций, подумала Ева: обручальное кольцо, семейные реликвии.

Со стороны мужа драгоценностей поменьше: золотой наручный коммуникатор, еще одни часы «Ролекс» (опять приверженность традиции!) с инициалами владельца – подарок жены на серебряную свадьбу, две пары запонок – золотые и кованые серебряные.

Список драгоценностей был более длинный, но, по мнению свидетельницы, дальше в нем перечислялась бижутерия: она сама присутствовала при покупке некоторых из этих вещей.

Еще свидетельница вспомнила про два электронных планшета, два мини-компьютера, серебряную минору, серебряную посуду – тоже наследство (сервиз на восемь персон). Граненый хрустальный сосуд в форме корзины на ножках с ручкой был, по словам свидетельницы, единственной вещью, оставшейся у Барбары от прабабушки, ее гордость и

отрада.

Кардининни написала, что очень удивлена тем, что подозреваемый не забрал кое-что еще, включая шелковую свадебную хупу с нарисованным от руки древом жизни. «Свидетельница показала, что эта вещь была сделана для свадьбы прабабки пострадавшей с материнской стороны и потом служила при свадьбе бабки, матери и самой пострадавшей. Пострадавшая говорила свидетельнице, что мечтает передать ее сыну и что она застрахована на 45 тысяч долларов. Фотографии хупы и деревянной музыкальной шкатулки, недавно полученной пострадавшим, по словам свидетельницы, от отца, прилагаются. Шкатулка являет собой старинный механизм цилиндрического типа с инкрустацией на крышке – женщина, играющая на лютне. По мнению свидетельницы, шкатулка тоже была застрахована».

Ева одобрила усилия Кардининни. Доскональные и любопытные сведения. Они наталкивали на вывод, что Рейнхолд знал не все. Он пренебрег свадебной хупой – наверное, не представлял ее стоимости. Музыкальная шкатулка на фотографии смотрелась неказистой; видимо, он счел ее стариковским барахлом. Забрал то, что бросалось в глаза: электронику и деньги.

Неглуп, подумала Ева в который уже раз. Но и умом не блещет.

Она пробежала глазами отчет чистильщика, огорчилась, что по-прежнему не опознана обувь, хотя на месте преступ-

ления осталась уйма кровавых отпечатков, еще раз промотала записи камер наблюдения и попыталась обобщить все это в собственном рапорте.

Переписала разговоры с Мирой, Пибоди, майором.

Закинула ноги на стол, села поудобнее.

Пора кое-что обобщить.

Самые обыкновенные люди. Традиционные, давно в браке, средний класс. Женщина занята домашним хозяйством, мужчина зарабатывает на жизнь. Прочные семейные узы, крепкие дружеские связи, здоровые соседские контакты. Вырастили сына. Разочарованы? Он вылетел из колледжа, не способен удержаться на работе, сохранить отношения с девушкой.

Не донимали ли они его нотациями? А как же! Все как обычно.

«Стань мужчиной, найди работу, думай о будущем, плати по своим счетам».

Наверное, тебя давно от всего этого тошнило? Размышляя, она изучала физиономию Рейнхолда. Ты больше не мог все это слушать: что тебе делать, как делать. Ты устал видеть разочарование в их глазах. Отец день-деньской корячится на какой-то дурацкой работе – вот тоскливый дуралей! Мать хлопочет на кухне, болтает с соседками, вечно напоминает тебе: «Подбери вещи, наведи порядок». Ворчливая зануда!

Из-за них обоих ты был лишен того, чего тебе на самом деле хотелось.

– Так все это видится тебе, – прошептала Ева. – Все, больше тебе не надо на них смотреть, слушать их лекции. Наконец-то свободен!

Она встала.

– Но ненадолго!

Когда она брала с вешалки плащ, в двери появилась Пибоди.

– Есть сигнал о двух часах и жемчуге. Из шикарного места в Ист-Виллидж.

– Проверь. И заодно – последнее место работы Рейнхолда. Только часы и жемчуг? – переспросила Ева уже на ходу.

– Это все, что он принес.

– Носит понемногу в разные места. Не хочет вопросов, старается унести подальше от собственного района.

– Владелец магазина позвонил сразу, как только увидел наше предупреждение. Сказал, что Рейнхолд принес часы и жемчужное ожерелье в одиннадцать часов.

– Через пару часов после банков. Денежки на черный день.

В гараже она села за руль. Пибоди ввела в навигатор адрес магазина.

– Я бы перевела деньги в Нью-Джерси, – заявила она. – А еще лучше – в Питтсбург.

– Питтсбург?

– К примеру. В субботу собралась бы, дошла до автобуса, сделала пересадку, приехала в Нью-Джерси, нашла спокой-

ный отель. Отдышалась бы. В воскресенье покатила бы на юг. В одном месте перекрасила бы волосы, в другом сменила бы цвет глаз, в третьем – вытравила бы татуировки.

– Когда забираешь деньги, приходится показывать удостоверение личности. Как это сделать, изменив внешность?

– Ты права. Ладно, с этим подожду. Пока что занимаюсь вещами. Нахожу в Джерси магазинчик, вроде того, куда мы сейчас едем, и кое-что сбываю. К утру понедельника забираю денежки, плачу за изменение внешности наличными, все остальное сбываю в Питтсбурге.

– С изменением внешности пришлось бы ждать дольше, иначе, собирая проданное и заложенное тобой, мы бы составили твой новый портрет.

– Черт! Ладно, сперва продаю и закладываю, а ПОТОМ покупаю за полученные деньги новый ID.

Ева забавлялась, тренируя Пибоди и пробивая дыры в ее плане бегства.

– Интересно, как ленивый обормот из Нижнего Вест-Сайда разнюхает, где в Питтсбурге строгают фальшивые ID?

– Согласна, он обзаведется им еще до отъезда из Нью-Йорка.

– Суть вопроса остается прежней.

– Наверняка он знаком с кем-то, кто знаком с кем-то еще. Скорее всего, он покупал фальшивые документы до достижения совершеннолетия, чтобы проникать в клубы и покупать спиртное. Обычное дело! – Пибоди покосилась на Еву. –

Как будто ты сама так не делала?

– Я – нет. – Ева давно не интересовалась клубами.

– Поверь мне, среди молокососов это принято. Я бы использовала это как трамплин, чтобы обзавестись денежками для нового документа.

– Ты забыла, что в Нью-Йорке выглядишь еще по-прежнему?

– Твоя правда! – Пибоди огорченно стукнула себя кулаком по бедру. – Дай подумать. Как бы ты сама поступила?

– Еще в квартире мертвых родителей я потратила бы больше времени на проблему обзаведения фальшивым документом. Нашла бы мертвеца, обзавелась бы всем необходимым, чтобы у скучающего чиновника в центре выдачи удостоверений личности не возникло вопросов. В субботу, еще до того, как будет поднята тревога, все бы сбыла. Уехала бы с одним легким чемоданом и рюкзаком, чтобы перемещаться налегке. Все равно мне много не надо, достаточно того, что потребуется в течение пары дней. Деньги перевела бы на офшорный счет, который не отчитывается о движении средств. Денег не так много, никто не почешется. Весь воскресный день у меня есть для того, чтобы забраться куда подальше. Уезжаю я со своей прежней внешностью, потом меняю ее для фальшивых документов. Делаю для них фотографию. Потом делаю так, чтобы не совсем походить на того, кем стану. Надеваю мешковатую одежду. Часть состриженных волос перекрашиваю и делаю из них козлиную бородку, вешаю себе се-

режку, добавляю пару татуировок, искусственный загар. Сажусь в автобус или на поезд, делаю несколько пересадок и еду – но не в Питтсбург, а куда-нибудь в Милуоки.

– Почему именно в Милуоки?

– Просто так пришло на ум. Главное, далеко, на Средний Запад. Там я выбираю подходящий центр выдачи удостоверений и меняю внешность на предыдущую, наболтав, что потерял документы, пока нырял где-нибудь на острове Косумель.

Пибоди вытаращила глаза.

– Ты серьезно?

– Звучит по-дурацки, именно поэтому мне поверят, если хорошо притворюсь. С новыми документами лечу на Каймановы острова – я же туда перевела денежки? – забираю их, поселяюсь в симпатичном отеле и заказываю коктейль с зонтиком в бокале.

– Ну, ты даешь!

Ева крутила головой, ища, где припарковаться.

– Это так, мелочи. Маловато денег, чтобы все сработало и, вообще, чтобы ради них стараться. И все равно я оставляю за собой след, по которому на меня могут выйти ищейки.

Она заметила свободное место на втором уровне и машину-соперницу, метившую туда же. Вертикальный маневр, вираж, оглушительный гудок.

– Мы будем следовать за деньгами, – продолжила она, выходя из машины. – И обязательно их найдем. Это было бы

сложнее, если бы он довольствовался деньгами, найденными в квартире, и продажей унесенных оттуда предметов. А потом сбежать, сменить документы, внешность, имя, осесть в Милуоки и найти себе незаметную работенку. Но большинство людей слишком жадны и нетерпеливы. Им подавай все и сразу.

Спустившись на улицу, они прошли полквартала до «Драгоценностей Урсы» – заведения, чей хозяин рекламировал себя как эксперт по продаже, приобретению и ремонту украшений.

Внутри стоял одуряющий аромат цветов и гул голосов, все сверкало.

– Вот это да! – ахнула Пибоди.

– Тише ты! – шикнула на нее Ева. – Тип с волнистыми седыми волосами и круизным загаром – сам Урса.

Хозяин возвращал под стекло прилавка бархатный планшет с безделушками.

– Мистер Урса. – Она показала свой жетон, он со вздохом кивнул. – Лейтенант Даллас и детектив Пибоди. Будем признательны вам за сотрудничество.

– Он показался приятным молодым человеком.

– Не сомневаюсь.

– Сказал, что его родители недавно погибли в аварии. Даже всхлипнул, так что я не стал задавать вопросов. Сказал, что ему слишком тяжело оставлять дома часы и жемчуг. Пытался якобы носить отцовские часы, но не смог.

– Ну-ну.

– Я предложил ему подождать, спрятать все в банковскую ячейку, потому что потом он может пожалеть, что продал памятные вещи. Нет, говорит, я, мол, уезжаю из Нью-Йорка, хочу попробовать начать все с чистого листа. Вещицы были симпатичные, особенно старинные женские часики. Подождите немного, я убрал их в сейф, как только дочь увидела на экране предупреждение. Раньше у нас такого не случалось. Как неприятно!

– Понимаю.

– Прошу меня извинить.

Он скрылся за дверью. Его тут же сменила женщина с темно-синими глазами и с точно таким же носом, как у него.

– Я Наоми Урса. Отец очень расстроен. Я читала об убийстве в квартире на Вест-Сайде – муж и жена. Отцу я ничего не сказала. Но эти часы и прекрасный старинный жемчуг – они ведь принадлежали им?

– Не могу пока что этого подтвердить. Было бы полезно ознакомиться со съемкой вашей камеры безопасности.

– Хорошо, папа уже сделал для вас копию. Пройдите сюда, за прилавок, можете сами все просмотреть на экране.

Ева двинулась за ней. Ей пришлось ткнуть локтем Пибоди, которая залюбовалась ожерельем под стеклом – настоящей цепочкой розовых слезинок.

– Я нашла эту запись, когда вы вошли, – сказала Наоми и включила воспроизведение.

Ева увидела, как Рейнхолд входит в дверь. Без чемоданов – нашел, значит, где их припрятать. С нарочито скорбным выражением лица он шагнул к хозяину.

Любопытно, подумала она. Почему-то он выбрал пожилого мужчину, воплощение отцовства и властности, а не его молодую дочь.

Сочувствие Урсы было заметно даже на записи. Он выложил на прилавок две бархатных планшета: один для часов, другой для жемчужного ожерелья.

Впившись глазами в Рейнхолда, Ева отметила про себя его спокойствие. Урса на экране вооружился ювелирной лупой и каким-то измерительным прибором и стал изучать принесенные предметы.

Нетерпелив, подумала она про Рейнхолда. Возбужден.

Урса заговорил, Рейнхолд помотал головой, опустил глаза, отвернулся, поджал губы. Он придумал для себя роль и пребывал в ней.

Урса потрепал его по руке – искреннее сочувствие, заметное даже на экране. Отодвинул планшеты, подозвал дочь и зашептал ей на ухо.

– Это он велит мне убрать вещи, чтобы клиент больше их не видел, – объяснила Наоми. – Он даже предложил клиенту чуть больше, чем следовало. Мы оба очень его пожалели. Хотя, если отбросить сантименты, старинные женские часы – действительно стоящая вещь.

Появился сам Урса.

– Я убрал их в коробки. – Он расставил коробочки на столике и открыл их. – Прелестные вещицы! Мужские часы, конечно, не винтаж, но тоже хороши, и состояние отличное. А вот женские – настоящее загляденье, да еще в прекрасном состоянии. К жемчугу тоже не придерешься. Могу показать вам все квитанции.

– Благодарю вас, мистер Урса. Моя напарница предоставит вам все необходимое для страховки, а также квитанцию на все три предмета. Можете звонить мне в любое время. – Она отдала ему свою карточку. – Главное, если мистер Рейнхолд появится опять, не вступайте с ним в конфликт, найдите повод, чтобы отойти, и вызовите меня.

– Думаете, он вернется? – От ужаса Наоми поднесла руку к горлу.

– Не думаю. Но вы должны понять: если вы его снова увидите или услышите, то помните, что он опасен, и обратитесь в полицию. Пибоди, позаботься, чтобы мистер Урса получил от нас все необходимое. Мистер Урса, можно вас на минуточку?

Отведя его в сторону, Ева тихо продолжила:

– Вы были добры к нему. Это не повод чувствовать себя глупо.

– А что, заметно? – спросил Урса с легкой улыбкой.

– У вас наверняка есть веб-сайт, а в нем сказано, что это давний семейный бизнес с индивидуальным обслуживанием, персональным подходом, специализацией на фамильных

драгоценностях.

– Угадали. У нас тут трудятся три поколения. Мои мать и отец сегодня выходные. Там мой сын и его жена. – Он указал в угол магазина, где с клиентами занимались мужчина и женщина.

– Именно поэтому он вас и выбрал, – объяснила Ева. – Солидный, уважаемый, честный бизнес. Он изучал рынок, прежде чем остановиться на вас. Стоимость часов и ожерелья он тоже проверил. А раз бизнес семейный, значит, вы посочувствуете истории, которую он вам преподнесет.

– На часах выгравировано имя его отца. Я попросил его показать документы.

– У вас не было причин усомниться в его истории. Держу пари, вы не единственный, кто ее сегодня выслушивает.

Выйдя из магазина, Ева заспешила на второй уровень, к машине.

– Обеспечь мне выезд! – крикнула она Пибоди.

– Конечно. Слушай, он вышел оттуда с сорока пятью тысячами. Не знаю, сколько ему дадут за остальное – похоже, старинные часы были самой дорогой вещью, – но он явно выстилает перышками свое гнездышко и не медлит с этим.

– Мы найдем это гнездышко, – заверила ее Ева.

Распахнув дверцу машины, она застыла, глядя на улицу внизу. Она не позволит убийце почивать на лаврах, выпачканных родительской кровью.

5

Фитц Равински положил на тарелку кусок яблочного пирога с тонким, как бумага, кусочком ярко-желтого сыра. К пирогу прилагалась ложечка модного немолочного продукта цвета ядерного киви.

– Мятный тофу-йогурт, – объяснил он, качая головой. – Кому это по вкусу?

– Только не мне, – отозвалась Ева.

– О вкусах не спорят. – Он отправил пирог и чашечку черного-пречерного кофе в раздаточное отверстие и пощелкал пальцами по клавиатуре.

– Обеденный час пик уже прошел, но к нам весь день приходят полакомиться тортами и пирогами.

– Вижу. – Ева оглянулась на зал. Там могло набиться в нью-йоркском стиле, как сельди в бочку, человек сто, но сейчас сидела всего пара десятков, включая мужчину, занятого своим наладонником с наушниками и при этом поглощавшего пирог с мятным тофу-йогуртом. Сам вид этого продукта вызывал у Евы тошноту.

– Не уделите нам минут пять?

– Охотно. Эй, Сел, замени меня! – Фитц вытер ладони о белый фартук – похоже, он делал это далеко не в первый раз за день. Приложившись к большой черной бутылке, он кивком головы поманил Еву и Пибоди за свободный столик. –

Обязательно попробуйте наш фирменный пирог. В мою смену копы угощаются бесплатно. У меня служат в полиции два кузена.

– Здесь, в Нью-Йорке?

– В Бронксе. Пирог – объедение! Его делают моя мать и сестры.

– Так у вас семейное дело!

– Восемнадцать лет по этому адресу. – Он ткнул толстым пальцем в столик. – Жаловаться не приходится.

– Спасибо за предложение, но у нас времени в обрез. – Еве показалось, что желудок Пибоди издал тоскливое бульканье. – Мы хотим спросить вас про Джеральда Рейнхолда.

– Я выгнал его вон пару месяцев назад. Вечно он опаздывал на работу и уходил раньше времени, не мог справиться с доставкой. А доставка – это, считай, треть нашего оборота. Безответственный субъект! Плевать он хотел на работу.

Равински подался вперед и опять воткнул палец в столик.

– Если он вздумает на меня донести, я найду документы, чтобы оправдаться.

– Как он воспринял увольнение? – спросила Ева.

– Послал меня к такой-то матери и, уходя, сбросил с прилавка блюдце с пирогом под банановыми сливками. Не ушел, а сбежал! – Равински усмехнулся. – Пирог еще не долетел до полу, а этого труса уже след простыл. Сдрейфил, что я за ним погонюсь.

– А вы погнались?

– Еще чего! Пирога не жалко – хотя он чудо как хорош! – чтобы избавиться от этого ленивого лоботряса. Был бы порасторопнее – до сих пор бы здесь вкалывал. Тогда я впервые увидел, что он может быть шустрым.

– Понятно. У вас были к нему конкретные претензии? Жалобы коллег, клиентов?

– Хотите, чтобы я перечислил? – Равински глотнул еще воды из бутылки, двигая вверх-вниз кадыком. – Например, моя сестра Фран засекла его на заднем дворике курящим. Надо было сразу его уволить, но я дал ему еще один шанс, понимая, что он еще молод и глуп.

– Он делал что-нибудь противозаконное?

– Кажется, нет. После того случая я за ним приглядывал, но больше ни на чем не ловил. Лень и неорганизованность – вот его проблемы. Клиенты жаловались, что получают заказы поврежденными или остывшими, а разносчик – это был Джерри – им грубит.

– Вы видели его с тех пор, как уволили?

– Кажется, нет. На прошлой неделе я видел его подружку – теперь уже бывшую, это доказывает, что у нее есть голова на плечах.

– Лори Нуссио?

– Она самая. Лори тоже у меня работала, уже года три прошло с тех пор. Хорошая официантка, симпатичная и неленивая. Протрубила здесь пару лет, а потом нашла работу в одном шикарном месте, там и платят больше, и чаевые щедрее.

Ну и молодец. Этого лоботряса я взял по ее просьбе. Когда я его выгнал, она пришла просить прощения. Мол, это она виновата. Лори – славная девочка. По-моему, расставшись с ним, она стала счастливее.

– Он ладил с кем-нибудь из вашего персонала?

– Какое там ладил! Всегда был чужим. Ни с кем не дружил, хотя и врагов не наделал. Так, отбывал повинность, да и то с грехом пополам.

– Хорошо. Спасибо, что уделили нам время.

– Это вам спасибо, дали передохнуть. Не намекнете, почему вас занимает Джерри?

Если пресса еще не раструбила имена жертв и обстоятельства их гибели, то это скоро произойдет.

– Мы хотим побеседовать с ним про убийство его родителей.

– Про что?! – Он неожиданности Равински чуть не выронил свою черную бутыль. – Его родители убиты? Оба? Боже, когда? Как это случилось? – Он задохнулся. – Это что же, сам Джерри? Хотите сказать, Джерри укокошил собственных родителей?

– Мы должны его найти. Найти и поговорить. У меня впечатление, что вы понятия не имеете, куда он мог податься?

– Он тут и трех месяцев не пробыл. Не счесть, сколько раз он пропускал работу, сказавшись больным или еще по какому-нибудь выдуманному поводу. – Равински почесал в голове. Волосы у него были такие прямые и жесткие, что Ева уди-

вилась, что он не расцарапал себе ладонь до крови. – Пару раз к нему заглядывали приятели. Проклятье, как же их звали? Мэл – одного звали Мэл. Этот выглядел неплохим парнем. Зато другой – не вспомню его имя – никуда не годился.

– Эти сведения нам уже известны. Вспомните что-то еще – обязательно сообщите.

– Моя мать говорила, что он обязательно натворит дел.

– Простите?

– Моя мать. Она воображает, что у нее сверхъестественное чутье. – Он махнул рукой. – Ее пращуры были сицилийцами. Вот она мне и говорит: «Помяни мое слово, Фитц, от этого парня кому-нибудь не поздоровится. В нем есть червоточина». – Он покачал головой. – Значит ли это, что он способен на убийство, я не знаю, но вообще-то в чутье моей матушке не откажешь.

На улице Пибоди сказала Еве с надутым видом:

– Кое-кто был бы не прочь полакомиться пирогом.

– Дождись Дня благодарения – наешься до отвала. Сейчас твоя задача – побеседовать с его бывшими боссами и сослуживцами. Это может принести пользу.

– Он должен торопиться. Это его единственная тактика.

– Он в бегах с пятницы. Делай, что тебе велено. На обратном пути заглянешь к его бывшей подружке. А я посижу у себя и подумаю, как нам быть дальше.

– Как насчет Миры?

– Закажу консультацию на завтрашнее утро. Он сумел

скрыться из виду. При больших деньгах он, вероятно, считает себя всесильным. Вряд ли он забился в какую-то вонючую дыру. Сегодня вечером он устроит себе королевское пиршество. Может, даже полакомится пирогом.

– Вот гад! – Пибоди завистливо оглянулась на удаляющееся заведение с пирогами и шагнула к машине.

У Пибоди выдался длинный день. С утра она даже не догадывалась, как он затянется. Даллас учила ее: никогда не считай дело практически раскрытым – даже когда, как в этот раз, знаешь с самого начала, кто, почему, как и когда.

– Пока что ему везет, – пожаловалась она.

Непревзойденный электронщик Йен Макнаб, шедший вместе к ней к дому Лори Нуссио, отвесил ей игривый шлепок.

– Везение редко затягивается. Кроме нашего, конечно.

С ним она только и делала, что хихикала. С ее точки зрения, это добавляло ему очков. Как и подтянутый вид, умные зеленые глаза, неистощимый на выдумки ум и невероятная энергия и творчество в постели.

– Поднимемся наверх пешком, – предупредила она.

– Чего ради?

– У меня не выходит из головы пирог с йогуртом. От одних этих мыслей тяжелеет попа! По пути домой надо будет купить все необходимое, чтобы я могла испечь такой же.

– Ты будешь печь пирог?

– Вишневый, по бабушкиному рецепту, если мы найдем то, что для него требуется, и поделим пополам расходы.

– Я сам за все заплачу, лишь бы поставить тебя к плите! – Он стал приплясывать на ходу с широкой улыбкой на худом лице, размахивая стянутыми в хвост светлыми волосами и звеня сразу всеми сережками в левом ухе. – Моя лучшая на свете девочка испечет мне пирожок!

Она стала подниматься по лестнице первой, он пыхтел позади нее. Внезапно поймав ее руку, он сказал:

– Люблю уходить с работы вместе с тобой.

– Я тоже. Еще лучше было бы схватить этого мерзавца еще до конца рабочего дня.

– Поймаете, никуда не денется. Дома можешь посвятить меня в подробности. Мы с тобой покумекаем вместе, сдвинув лбы. И, возможно, другие части тела.

Она прыснула, останавливаясь на этаже у Лори.

– Вот ее дверь. – Пибоди решительно постучала.

– Говоришь, она взяла отгул и встретилась с подругой? Раз так, она вряд ли торопится домой: ужин, пробежка по клубам.

– Наверное. Мне просто надо… – Пибоди оглянулась на звук другой открывающейся двери. – Мисс Кребтри?

– Да, это я.

Пибоди первым делом предъявила жетон.

– Вы говорили сегодня с моей напарницей, лейтенантом Даллас. Я – детектив Пибоди, это детектив Макнаб.

– Лори еще нет дома. Я начинаю беспокоиться.

– Для нее необычно так долго отсутствовать?

– Нет, но для ее бывшего парня необычно убивать своих родителей. Час назад, придя домой, я услышала об этом в новостях. Я выходила ненадолго, по мелким делам, и оставила на двери Лори записку на случай, если она вернется, пока меня не будет. Записка так и осталась на месте. Теперь я проявляю осторожность.

– И правильно делаете. Будем вам признательны, если вы попросите мисс Нуссио связаться с нами, когда она вернется.

– Странный день она выбрала для того, чтобы обзавестись новым коммуникатором и новым номером. Хотя раз она недоступна для меня, значит, и этому сукину сыну ее не найти. Но мне бы полегчало, если бы она переночевала дома. Буду ее ждать.

Пибоди побрела вниз в невеселом настроении.

– Теперь и у меня душа не на месте. Мы не знаем, с кем она проводит время, поэтому нам не с кем связаться.

– Может, попробуем выяснить? С кем она работает? Девушки – стайные животные. Сначала опознаем членов стаи, потом будем действовать методом исключения. Займет кое-какое время, но принесет результат.

– Стайные животные?

– Не сердись. Правда ведь, вы даже в туалет ходите вместе.

– Что верно, то верно. Дельное предложение. Хлопотно, конечно, но ничего другого не остается.

– Будем составлять список, но сначала купим все необходимое для пирога. За тобой пирог, за мной обработка списка.

Войдя в дом, она взяла его за руку.

– А потом мы с тобой упремся лбами. И другими частями тела.

– Блестящий план.

Они разминулись с Лори на двадцать минут.

Она добралась до дома, когда уже зажглись уличные фонари. Она собиралась натянуть недавно купленное выходное платье и прошвырнуться вместе с Кейси по клубам. Но как раз когда подходил к концу их дневной забег – магазины/прическа/маникюр/паста с баклажанами (паста – на двоих, чтобы сократить расходы и калории), – Кейси получила сообщение от их общей подруги Дрю.

Лори не поверила в это сообщение. Не захотела верить. Но Дрю не унималась, а потом на новых коммуникаторах Лори и Кейси появился видеорепортаж.

Джерри, человек, с которым она жила вместе, которого даже любила, пусть недолго, разыскивался полицией. По подозрению в убийстве собственных родителей.

Боже, родители Джерри убиты! Она очень их любила, и вот их не стало. Никто из ее знакомых раньше не погибал, и ни с кем она раньше не проводила так много времени, как с родителями Джерри, – разве что с ним самим.

В глубине души она верила, что все это – ужасная ошибка. Джерри мог вспылить и, однажды ее ударив, доказал, что у него есть черная сторона, которую она не могла полюбить и с которой не могла ужиться. Но несколько тумаков, как они ни ужасны, – это все-таки не УБИЙСТВО.

Она хотела было с ним связаться, но Кейси категорически запретила ей это делать. И даже настояла, чтобы они поехали домой на такси. Не пешком, не на метро. Лори пришлось попотеть, чтобы убедить Кейси, что той нет нужды оставаться вместе с ней в квартире.

Ей хотелось просто вернуться домой, побыть одной и спокойно поразмыслить о случившемся.

И, если честно, пустить слезу. Может, и пореветь. Оплакать мистера и миссис Рейнхолд, да и Джерри вместе с ними. Окончательно расстаться со своими мечтами.

Нагруженная покупками, уже не представлявшими для нее интереса, она вошла в дом. Ей хотелось побыстрее попасть внутрь, к тому же она за день вконец оттоптала себе ноги, поэтому воспользовалась лифтом. Лифт с кряхтением отвез ее наверх.

Прежде чем Лори добралась до своей двери, перед ней предстала мисс Кребтри.

– Вот и ты! Я места себе не находила!

– Я задержалась в магазинах.

Мисс Кребтри прищурилась.

– Слыхала про Джерри?

– Только что. Надеюсь, это ошибка.

– Милая, здесь уже побывала полиция. Дважды. Искали тебя.

– Меня? Зачем?

– Потолковать с тобой о нем. Зайди-ка ко мне, я напою тебя чаем. Хотя нет, чай не годится, лучше я налью тебе винца. У меня есть славная бутылочка, я припасла ее со своего дня рождения.

– Спасибо, но я хочу домой, хочу покоя.

– Как знаешь, милая. – Кребтри погладила Лори по гладким каштановым волосам. – До чего же ты хорошенькая!

– Мы побывали в салоне.

– Мне нравится этот новый цвет. Новизна – это вообще хорошо. Вот карточка сотрудницы полиции, приходившей первой. Она просила тебя связаться с ней как можно скорее. Думаю, это нужно тебе самой. Вот увидишь, тебе полегчает.

Лори еще никогда не приходилось беседовать с полицейскими, во всяком случае, официально, и от одной мысли об этом ей стало нехорошо.

– Но я ничего не знаю!

– Нам только кажется, что мы ничего не знаем. – Мисс Кребри ободряюще улыбнулась. – Эта сотрудница показалась мне неглупой. Так что не медли, звони. Если передумаешь насчет винца и моего общества, просто постучи. В любое время, даже в самое позднее.

– Хорошо. – Лори посмотрела на карточку: «Лейтенант

Ева Даллас». – А-а, так она связана с «Айкоув». С Рорком!

– Вот оно что! – Кребтри почесала себе затылок. – То-то я гляжу, знакомое имя! Никак не могла сообразить, откуда я ее знаю. Говорю же, нам самим невдомек, что мы знаем.

– Что верно, то верно. Спасибо, мисс Кребтри.

– Я всегда рядом, – напомнила ей соседка и с облегчением вернулась к себе.

Лора тоже заперла за собой дверь, не забыв про задвижку и про цепочку.

Содержимое пакетов ее больше не интересовало, хуже того, ей было стыдно, что она весь день занималась ерундой. Теперь она чувствовала себя виноватой. Пока она скупала ненужное барахло, тратила время на маникюр и макияж, мистер и миссис Рейнхолд отправились на тот свет.

Ей захотелось поговорить с матерью. И с отцом. Но сначала она сделает то, что вытекало из полученного от родителей воспитания.

Не откладывать важных дел!

Убрать барахло с глаз долой и позвонить в полицию.

Она двинулась по своему маленькому, но красочному гнездышку в сторону спального алькова. От гостиной его отделял ярко-синий импровизированный диван (подушки в ящиках), стеллажи и ярко-красные, как губная помада, шторы из длинной бахромы.

Возможно, рациональнее было бы купить раздвижной диван, но она была против того, чтобы спать в гостиной.

Через год она мечтала переехать в квартиру с настоящей спальней в этом же доме. Такой была ее следующая цель – до тех пор, пока Джерри все не испортил, забрав и проиграв в Вегасе ее арендные деньги и накопления от чаевых. Теперь нужно копить снова. А тут еще сегодняшний забег по магазинам.

Ей было просто необходимо вырваться на волю, хотя бы на один день ощутить свободу. У нее как будто получилось, она почувствовала облегчение. Кейси права: хватит кукситься из-за своей Великой Ошибки по имени Джерри.

Ее внимание привлек приобретенный на распродаже бирюзовый свитер, и она вытащила его из пакета.

Кейси права: ей полезно больше думать о своей удаче. Если Джерри совершил то, в чем его подозревают, – она, правда, все еще не могла в это поверить, – то ей очень повезло, что она вовремя с ним рассталась. Он, конечно, украл у нее много времени, причинил головную боль, два раза ударил и обчистил.

Легко отделалась! Могло быть еще хуже.

Она не слышала, как он появился у нее за спиной. Удар битой по голове – и она опрокинулась на кровать, оттуда сползла на пол.

Стоя над ней, Джерри ухмыльнулся, постукивая битой по ее бедру. Удар был несильный, не сравнится с тем, который он нанес своему папаше. Убивать ее он не собирался – пока что. Сначала им нужно кое-что обсудить.

Он, правда, помнил, какая хреновая звукоизоляции в этой ее конуре, так что обсуждение должно быть тихим.

– Тупая стерва. – Он сильнее ударил ее битой по бедру. – Думала, скажешь «убирайся!» – и дело с концом? Трудно мне было, что ли, сделать дубликаты ключей? Где ты провела весь день, черт бы тебя побрал? Я устал ждать.

Увидев набитые пакеты, он оскалился. Он тоже кое-что купил за последние два дня. Пора пустить купленное в ход.

Он включил музыку – не слишком громко, иначе соседи станут жаловаться. Принес свой пакет с покупками из ванной, где спрятался, услышав лязг лифта, и откуда слушал разговор Лори с болтливой старой каргой. Жаль, что болтливая карга не пришла сюда вместе с Лори. Он бы завалил сразу обеих – вот было бы здорово!

Ладно, пока что он займется Лори, а там видно будет.

Он затащил безжизненное тело на кровать и только сейчас заметил, что она перекрасилась. Не иначе готовится соблазнить другого придурка. С ним, Джерри, она просто трахалась.

А теперь он сам ее изнасилует.

Не в сексуальном смысле, одернул он себя, – от одной мысли об этом его затошнило. Но он все равно ее раздел – чтобы унизить и запугать. Он все хорошо обдумал.

Он связал ей руки и ноги – как можно крепче, так, чтобы веревка врезалась в тело. Пусть помучается от боли, она это заслужила. Пришлось заклеить рот – вот это жаль, хорошо

бы насладиться ее воплями.

Подпевая музыке, он усадил ее, подперев подушками, дважды обмотал веревкой, пропустив ее под кроватью.

– Так ты не сможешь ерзать.

Потом достал из пакета капсулу нашатыря и сунул ей под нос.

Она заморгала, закрутила головой, что-то забубнила из-под клейкой ленты. Она силилась понять, что происходит. Он оседлал ее и ударил кулаком в живот.

– Привет, Лори!

И тут он увидел то, чего не видел в глазах родителей: не просто шок, не просто боль.

Страх.

От этого он испытал нечто такое, с чем еще не был знаком. Его наполнил восторг.

Он ухмыльнулся, радуясь, что она выгибается, шарит глазами по своей паршивой квартирке, издает глухие звуки под залепившей рот лентой.

– Не беспокойся, насиловать тебя я не стану. Это не насилие – смотреть, как ты тут бьешься. Плевать я на тебя хотел. Полюбуйся, ты голая, беспомощная, я у меня совершенно не стоит. Так что выбрось это из головы.

Он ущипнул ее за сосок и засмеялся, когда она дернулась.

– Вообще-то я могу сделать так, что ты меня захочешь. Не возражаешь? В последние недели, которые мы были вместе, спать с тобой было мучением. Лучше не вспоминать! Вот те-

бе дельный совет: хочешь, чтобы парню было с тобой хорошо, – не пили его день-деньской, не пускай лживую слезу, вот как сейчас. А главное, не смей его учить, что ему делать! Ты мне не мать, сучка. Ты же слышала, что с ними стало. Скажи мне спасибо!

Он слез с кровати и, разглядывая ее, удивлялся, что его могло в ней привлекать.

– Мне надо кое-что тебе сказать. Хотя бы разок заткнись и послушай. Поняла?

До него дошло, что он чувствует себя сейчас не просто счастливым, а сильным и значительным.

– Думала, меня можно выгнать, вытолкать взашей просто потому, что мне немного не повезло? Цепляться к любой мелочи и скулить, жалеть себя, когда плохо было мне? Думаешь, такие унижения сойдут тебе с рук? Тебя занимала только ты сама. Какая же ты эгоистичная сучка! Ну, двинул тебе пару раз – разве это преступление? Ты заслужила больше. Погляди на себя. Тебя найдут вот такой – голой, беспомощной, УНИЖЕННОЙ. Как ты себя чувствуешь?

Крупные слезы, бежавшие по ее лицу, только усиливали его восторг.

Он пнул ногой ее пакеты с покупками.

– Думаешь, одна ты делала сегодня покупки? Гляди, что у меня есть. – Он достал из кармана складной нож. – Нажимаешь эту кнопочку – и бах! – Из рукоятки выскочило изогнутое зазубренное лезвие противозаконной длины. Видя, как

она таращит глаза, как бьется, как пытается крикнуть, но не может из-за пленки, он улыбался до ушей.

– Не дрейфь, это не для тебя. Мать я резал кухонным ножом, он входил в нее, как в подушку. Кровищи, правда, было – с ума сойти! Не хочу забрызгать твоей поганой кровью свою новую одежку. Классная, да?

Он закрутился перед ней.

– Я испортил сразу два комплекта старой одежды – сначала со старухой, потом со стариком. Его я завалил своей старой бейсбольной битой, всю кровь выпустил и мозги вышиб.

Он со смехом проверил механизм ножа еще раз.

– Ты отправила меня прямиком в ад. Знаешь, что значит с ними жить? Сплошные придирки, только и талдычили, как мне быть, как будто главные – они. Ну, кто главный теперь?

Она так натянула веревки у себя на запястьях, что прорвала кожу. «Неплохо», – подумал он и убрал нож в карман.

– Ну, что ты купила сегодня? – Он вывалил содержимое ее пакетов на пол, опять достал нож и стал резать лезвием раскиданную одежду. Она захлебнулась рыданием.

– Туфельки? В самый раз для шлюхи. Давай примерим. – Он надел ей на ноги дерзкие туфли на высоких каблуках.

– Неплохо! – Он опять вскарабкался на нее. – Натворила ты бед, Лори! Не надо было меня выгонять. Теперь у меня есть деньги. Куча денег! Я могу делать все, что захочу. И с тобой сделаю что захочу, ты не сможешь мне помешать. Думала, я тебя тогда побил? Двинул пару раз – велика важ-

ность! Так, щекотка.

Он стал со всей силы, наотмашь, отвешивать ей пощечины. Ее голова моталась из стороны в сторону, щеки побагровели.

– Это тоже щекотка, сучка. Сейчас я проучу тебя по-настоящему.

Последовал удар со всей силы кулаком. У нее затрепетали веки, из-под пленки потекла кровь из рассеченной губы.

– Знаешь, а у меня может встать! Скажи, что хочешь этого. Скажи, что хочешь меня. Ах, не можешь? – Он положил палец на ее заклеенный рот. – Кивни. Это будет знак, что ты хочешь, чтобы я тебя поимел. Кивни, иначе пожалеешь!

Она через силу мотнула головой, но снова получила удар кулаком.

– Медленно! – крикнул он, наблюдая, как у нее заплывает глаз. – Кивай быстрее, сучка!

Она, рыдая, затрясла головой.

– Хочешь, да? Хочешь? – Он схватил ее, потом нанес ей новый удар. – Все равно не получишь!

Он в задумчивости достал нож. Тараща уцелевший глаз, она билась всем телом.

– Лежи смирно, а то попробуешь моего ножика. – Он отрезал ей локон. – Мне не нравится новый цвет. Ничего, сейчас мы это исправим.

Он резал, пилил, кромсал до тех пор, пока не оставил от ее глянцевых каштановых волос короткие уродливые вихры.

– Так-то лучше. Такой тебя и найдут: голой, наполовину лысой, страшной. Поделом тебе! Ты пыталась превратить меня в свою собачонку. Теперь собачонка – ты. Лай! Гавкай!

Он поднес нож к ее горлу.

– Кому сказано лаять?

Они стала издавать жалкие звуки, умоляюще ловя уцелевшим глазом его взгляд.

– Хорошая собачка! Теперь ты знаешь, кто главный.

Он зажал ей пальцами нос, и она выгнулась дугой.

– Глупая сучка, в сексе ты всегда была вялой. Никуда не годной, скажу я тебе.

Когда он убрал руку, она отчаянно задышала носом, грудь судорожно вздымалась и опадала, ее сотрясали рыдания, заглушаемые клейкой лентой.

– Что такое? – Он издевательски подставил ухо. – Ни хрена не слышно! Хочешь что-то мне сказать? Хочешь сказать, что ты, отвратительная лысая шавка, просишь у меня прощения? Хочешь оправдаться, сучка? Давно пора.

Он оторвал от ее щеки край клейкой ленты.

– Совсем забыл! – Он приставили ей к горлу острие ножа. – Заорешь – перережу тебе глотку. Поняла?

Она кивнула.

– Хорошая собачка. – Он опять взялся за край ленты, наклонился к ней. – Совсем забыл. Видишь ли, – он вытянул из заднего кармана веревку. – Что бы ты ни сказала, мне наплевать.

Он обмотал ей шею веревкой и стал тянуть. Глядя, как у нее вылезают из орбит глаза, как веревка режет в кровь белую кожу, как ее тело бьется под ним в судорогах, слушая бульканье, он чувствовал растущее наслаждение.

Чем сильнее он тянул веревку, тем сильнее, тем горячее становилось наслаждение. Ее связанные ноги заколотили по кровати в конвульсии, окровавленные руки по-старушечьи затряслись. Он дергал веревку, кряхтя от удовольствия и подпрыгивая на месте. Им завладело неподвластное ему, рвущееся наружу сладостное ощущение.

Когда ее взгляд застыл, его сотрясло наслаждение. Такого с ним еще ни разу не бывало.

Он с трудом подавил собственный крик, захлебнулся и долго ловил ртом воздух, пока сам не перестал содрогаться. Он рухнул с ней рядом, удовлетворенный, оглушенный, впервые в жизни полностью насытившийся.

– Вот это да! Где ты была всю мою жизнь! – Он похлопал ее по бедру. – Спасибо!

Теперь – в душ, потом на поиски ее припрятанных чаевых и всего ценного, что могло найтись в этой паршивой клетушке. Но первым делом – проверить, чем можно подкрепиться у нее на кухне.

После убийства, как после хорошего «косяка», он чувствовал лютый голод.

6

Ева въехала в ворота дома, занятая своими мыслями. Часто – вернее, чаще всего – вид вычурного, смахивавшего на замок дома, возведенного Рорком, улучшал настроение после утомительного рабочего дня. То, как дом возникал на фоне ночного неба после крутого изгиба дороги, оказывало на нее целебное действие, напоминало, что она вернулась домой. Начало ее жизни тонуло в кошмаре, продолжение в менявших одна другую приемных семьях и приютах было жалким и убогим; сперва ее собственный угол в Нью-Йорке был просто местом, где она могла прикорнуть в промежутке между расследованиями. И вот наконец она обрела настоящее прибежище.

Но в этот раз даже возвращение домой не подняло ей настроение.

Ей не давала покоя мысль, что себялюбивый выродок улизнул от нее даже на один день. Теперь необходимо все начинать с нуля, вернуться к исходному пункту и продвигаться короткими шажками. Не отвлекаясь на соблазны вроде посула капитанских нашивок.

Навести порядок в мыслях, взглянуть на дело под новым углом.

Она не скрывала от себя, что ей нужен Рорк. Его слух, его глаз, его изощренный ум. Она прогонит дело сквозь него, за-

ставит его им пропитаться, решила она, тормозя у дверей. Возможно, он заметит то, что она пропустила, до чего не додумалась.

Он поможет. Это было не предположение, а непреложный факт. Такой же неопровержимый, фундаментальный, как камень и стекло, среди которых они жили.

Вылезая из машины, она вспомнила, что у Пибоди на этот вечер намечено свидание. У нее самой на такие вещи не было времени. Вернее, она не оставляла на них времени, поправила она себя.

В отличие от Рорка. Рорк о таких вещах не забывал – и это при его занятости!

То, что ее жизнь превратилась в сплошную гонку, страшно ее угнетало. Даже когда она не вязла по горло в расследовании, ей было не до приятных мелочей.

Сейчас эта виноватая мысль придавила ее, как булыжник.

Разве она не сумеет устроить романтический ужин? Создать обстановку, при которой от его слуха, глаза, изощренного ума будет больше толку.

Она захлопнула дверцу машины и ринулась в дом. Там перед ней предстал Соммерсет – во всем черном, с толстым котом у ног.

– Учтите, времени на остроумие у меня нет! – отрезала она.

– Жаль.

– Он дома?

– Еще нет.

– Я хочу устроить ужин на верхней террасе.

Соммерсет приподнял брови.

– В календаре ничего не обозначено.

– Ну и что? – Она махнула рукой и перешагнула через кота, вздумавшего тереться об ее ноги. – Накрывайте стол как хотите, только предупредите, что он – то есть мы – будем есть. Есть блюда, которых я не выношу.

Даже пугалам не чуждо веселое удивление, отметила она мысленно.

– Отлично. Я бы начал с томатного супа и креветок-пашот.

– Подождите. – Она вооружилась ноутбуком. – Я записываю.

– Далее переходим к зеленому салату с сезонными грушами под соусом винагр с шампанским. В качестве основного блюда я бы предложил лобстеры «Термидор».

– Что еще за чертовщина?

– Вкуснейшее блюдо. Вам понравится. Я бы подал его с белым совиньоном или с шампанским. И закончил ванильным бобовым суфле, бренди и кофе.

– Заметано. Мечите на стол. – И она бросилась вверх по лестнице.

– Вы не будете переодеваться?

– Лучше заткнитесь!

Она кинулась в спальню. Проклятье, что же надеть? Она

стала орудовать в гардеробной. Кот крутился у нее под ногами – вообразил, должно быть, что с ним играют.

Одежды у Евы хватило бы на сотню нормальных людей. Значит, задача составить достойный ансамбль на один вечер не должна быть сложной.

Лучше удавиться, чем снова обращаться за советом к Соммерсету!

Она остановилась на черных брюках: черное как будто ко всему идет. Свитер достала мягкий, цвета увядших листьев, с искристой оторочкой. В таком можно не увешивать себя бирюльками.

Вряд ли можно остаться в ботинках, но туфли на высоченных каблуках? Ни за что!

К своему собственному удивлению, она остановила выбор на черных туфлях с блестящими клиновидными каблуками. А чего тут удивляться, думала она, поспешно переодеваясь. Откуда ей знать, что подсунет гардеробная фея?

Обстоятельства заставляли прибегнуть к косметике: губной помаде, туши для ресниц, румянам. Какая же все это гадость!

Решив, что все готово, она облегченно перевела дух. Она не сомневалась, что Соммерсет подготовит все на крыше, под темно-синим небом, где обогреватели позволят не заметить, что на дворе ноябрь.

А остальное зависит от нее самой.

Рорк вернулся домой, все еще находясь во власти дневного раздражения. К его удивлению, никто его не встречал – ни Соммерсет, ни кот. А ему как раз хотелось домашнего тепла.

Он сам сбросил пальто и по привычке, позаимствованной у жены, по пути наверх оставил его на стойке перил. Часик в гимнастическом зале, где он от души попинает грушу, думал Рорк, потом энергичный заплыв. Так он покончит со своим раздражением. Есть и другой способ: хорошенько выпить.

Но на столике в ванной он увидел кобуру Евы и ее полицейский жетон.

«Значит, лейтенант дома», – подумал он. Что ж, он попытается отвлечь ее от двойного убийства – он следил за криминальной хроникой: уговорит ее на спарринг-бой или на совместный заплыв. А лучше всего было бы уложить ее в постель. Только не для сна.

Вот он, лучший способ забыть обо всех заботах!

Скорее всего, она засела за компьютер и ломает голову над не решенными за день задачами. Он не возражал против того, чтобы, укрепив свои силы пиццей и кофе, вникнуть вместе с ней в невеселые подробности очередного дела.

Какие могут быть возражения, думал он, ставя на пол чемоданчик и ослабляя галстук. Ее работа завораживала его почти так же сильно, как она сама. Он играл в ее работе кое-какую роль и получал от этого удовлетворение: давая ей советы, он чувствовал, как ускоряется ток крови в жилах.

Никто, в том числе он сам, не поверил бы, что дублинский

уличный жулик, законченный воришка, впоследствии – могущественный богач, начинавший самым сомнительным образом, окажется на стороне закона. Пускай даже в таком варианте – скажем, не вполне законном.

Это она его изменила – нет, поправился он, она его НАШЛА. А это совершенно разные вещи.

Раз так, он готов жевать пиццу в ее кабинете, готов слушать, думать, помогать своему домашнему полицейскому, рвущемуся отомстить за очередную смерть.

Что же до огорчений, которых был полон для него прошедший день, то разве они не бледнеют на фоне всей этой крови?

Чтобы сэкономить время, а также для большей уверенности, он спросил в микрофон:

– Где Ева?

«В настоящий момент Ева на верхней террасе, в восточном секторе».

Странно, подумал он. Не то чтобы он был удивлен выбором такого места, но все же как-то не ожидал. Испытывая любопытство, он направился к лифту.

– Верхняя терраса, восток, – приказал он.

Сомнительно, что она забралась туда полюбоваться видом или подышать свежим воздухом. Его жена мало что делала без определенной цели – особенно когда шла по следу преступника. Как пребывание на крыше может вписываться в ее расследование? Наверное, тут важна высота, вид, перспекти-

ва, охват. Или…

На крыше его ждали цветы, горящие свечи, тепло, мерцание хрусталя. Он растерялся – такое с ним случалось нечасто.

– Привет. – Она бросила на него смущенный взгляд. – Я только что все закончила.

– Ты? – Мысленно листая календарь, он ошеломленно шагнул к ней. – Что это?

– Ужин.

Он припомнил, что однажды она уже преподносила ему сюрприз: нарядилась в красное платье, которое надлежало с нее снять. Но теперь, если ему не изменяет чутье, происходит нечто другое. Хотя не менее прелестное.

– У нас праздник?

– Нет. Ну, может, отчасти.

– Ты раскрыла дело? Нашла того, кто совершил двойное убийство?

– Нет. Просто все время об этом думаю, вернее, о том, как мне хочется избавить от этого тебя. А тут еще свидание у Пибоди.

– У нас свидание с Пибоди? Мне везет: сразу две соблазнительные женщины!

Она, прищурившись, глянула на него.

– Всего одна – я. Хватит с тебя.

– Ну и слава богу. – Он взял ее лицо в ладони и нежно поцеловал. – У нас с тобой свидание?

– Не совсем. Для свидания с большой буквы я сейчас не гожусь, потому что голова пухнет, просто решила отблагодарить тебя за помощь чем-то более приличным, чем пицца у себя в кабинете.

Он долго смотрел на нее, не шевелясь. Она испугалась, что ляпнула что-то не то. Но он притянул ее к себе и крепко обнял.

– Я очень тебе благодарен.

– Не за что.

– Нет, для меня все это важно, особенно сегодня.

– А что сегодня за день? – Неужели она что-то забыла? Она отпрянула и внимательно на него посмотрела. Нет, здесь что-то другое. – Во Вселенной Рорка какие-то трудности?

Он с улыбкой прикоснулся к ямочке у нее на подбородке.

– Можно сказать и так.

– Какие?

– Не очень важные, особенно когда нас ждет шампанское.

– Не так. – Она вскочила. – Ты помогаешь мне, я – тебе.

Он провел ладонью по ее руке, по мягкому рукаву ее свитера.

– Правила брака?

– Вот именно. Что там у тебя?

– Сегодня днем мне пришлось уволить сразу троих. А я ненавижу увольнения.

– Зачем же ты это сделал?

– В общем, за то, что они не делали того, за что им платят.

Я многое могу понять. У человека может быть трудная полоса, какие-то личные проблемы, нелады со здоровьем. Если так, то все можно обсудить и решить. Но когда манкирование обязанностями проистекает из беспечности, еще хуже, из самомнения, то я отказываюсь от снисхождения.

– То есть ты выгнал их за тупость.

Он улыбался, чувствуя, что успокаивается.

– Примерно так.

– Это мне знакомо, – сказала она, пока он шел к накрытому ею – только бы он не нашел изъянов! – столу, чтобы откупорить шампанское. – Тип, совершивший двойное убийство, тоже тупица: нигде не мог удержаться именно из-за своего самомнения, беспечности, извращенного чувства, что все вокруг ему что-то должны.

– Выходит, наши проблемы совпадают. – Изящно и бесшумно открыв шампанское, он наполнил два высоких бокала.

– Ты ненавидишь увольнять людей отчасти потому, что тебе не нравится сознавать, что их не надо было нанимать.

– Ты хорошо меня знаешь, – согласился он и подал ей бокал. Они чокнулись.

– Ты ошибся, приняв их на работу?

– Несомненно. Но в то время они во всем подходили. Прошло время, и кое-кто стал самодоволен и ленив, решил, что ему все позволено.

Снова и снова он убеждался, что ни в чем нельзя быть

безоговорочно уверенным: ни в хорошем, ни в плохом, ни в посредственном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.